Р 24 603

СРБСКІЙ

ЛѢТОПИСЪ

ЗА ГОДИНУ 1856. ЧАСТЬ II.

ГОДИНА XXX. КНЬИГА 94.

ИЗДАЄ

МАТИЦА СРБСКА

у Пешти.

У Будиму Писмены Цес. Кр. Свеуч. Пештанског.

СРБСКІЙ

ЛѢТОПИСЪ

ЗА ГОДИНУ 1856. ЧАСТЬ II.

ГОДИНА XXX. КНЬИГА 94.

Отъ Пеште даже до Черне Горе
Дѣлатель прилѣжанъ свм да спѣши.

Л. Мушицкій.

издае

МАТИЦА СРБСКА

у Пешти.

У БУДИМУ

Писмены Цес. Крал. Свеучилишта Пештанскогъ.

1856.

Ung. Akad. Könyvtár

Druck

der

Matrikel

der

Universität

Ofen,

gedruckt in der k. k. Univ.-Buchdruckerei 1856.

I.

СЛОВО

І. С. ПОПОВИЋУ,

О ПАРАСТОСУ,

КОИ Є

НЕЗАБОРАВЉЕНОМЪ СРБСКОМЪ СПИСАТЕЛЮ

ДРЖАТИ ДАЛО

ОБШТЕСТВО НОВОСАДСКО

У Н. САДУ 24. МАРТА 1856

ГОВОРЕНО

ІОВАНОМЪ СУБОТИЋЕМЪ.

У твоме духу цѣна є силна та.
Онъ собомъ диже себи высокій стубъ,
На комъ оснива сталный, свѣтлый
Споменикъ.

І. Хаџићъ.

Опетъ нова жертва паде!

Іованъ Поповићъ, сладкогласный славуй у пѣсно-словномъ лугу нашемъ, умукну,— на свагда умукну!

Плач'те, о плачите сынови и кћери рода! весела она уста, мудра она уста, сластна она уста занѣмише за увѣкъ!

Пѣвацъ дивногъ Даворя неће вамъ више даворити: яворове нѣгове гусле висе на гробномъ му крсту, и мразни вѣтри трзаю и кидаю струне, коѥ су подъ нѣговымъ прстима веселѣмъ, мудрошћу и сладошћу струиле!

Ѥче струне у вѣтру; али ѥче и срдца наша надъ нѣговымъ гробомъ: и тужни гласови надмећу се у туги и грози.

Охъ грдне штете наше! охъ губитка, кои се накнадити неда!

Туге пуный спроводъ, коимъ су Вршчани земне останке упокоѥнога матери земльи предали; тужни парастоси, у коима народъ нашъ по свимъ странама свою любовь, своѥ поштованѣ, свою тугу за покой-

никомъ изявльивати починѣ; врисакъ явныхъ листова, коимъ жалостный овай гласъ о смрти преминувшегъ пѣсника народу обявише: све то показує ясно, како є народъ нашъ овога свога сына любіо, како га уважава, и како садъ за ньимъ изъ дубльине срдца тужи и жали!

„Црна скорбь се простире,
„Туга тугу дражи;
„Ахъ! слаба є утѣха,
„Да мысли ублажи!“ *)

Кадъ се изванредань какавъ човѣкъ у пуной духовной снаги престави, онда се цѣна живота таковыхъ людій найболье види и познає. Нема онога блага на свѣту, коимъ бы се могло прибавити оно, што бы таковый човѣкъ урадіо, да є іоштъ кою годину дуже поживіо; нема оне силе у свѣту, коя є кадра оно у животъ привести, што є, тако рећи, са мртвымъ му тѣломъ у гробъ пало!

И овай є нашъ изванредный мужъ у пуной снаги духа свога преминуо. Онъ є одъ дужегъ времена боловао. Има више година, како мы, кои смо га познавали, одъ овогъ губитка зебемо, — како га гледимо, гдѣ умире. Но онъ є истина увѣкъ тѣломъ слабъ и боланъ быо, али му слабость и болесть тѣла снагу духа не умали. Многима су се нѣговымъ произво-

*) Даворѣ стр. 119.

дима изъ овога доба читатељи сладко насмѣяли, надъ коима є нѣму ватрена болѣтица срдце раздирала! Многа су му дѣла читателя райскомъ слашћу напоила, а онъ є више путы пехаръ са жучемъ и оцтомъ изпіо, докъ є на ньима радіо!

„Ко ужива, неразбира
„Тућу муку, туђій радъ.“*)

Кажу люди, да славуй найлѣпше пѣва, кадъ му се очи изкопаю, и тако ослѣпи. Ово може быти да є истина, а можда и ніе: али то є цѣла истина, да є нашъ упокоєный пѣсникъ найлѣпше пѣвао, кадъ су му найвећи болови груди цѣпали. „Моимъ критицыма, „антикритицыма, момусима, зоилима, и свимъ, коєгъ „му драго чина и достоинства рецензентима явити „морамъ, да є главнія черта мога темперамента ме„ланхолія, и да є дѣло ово понайвише у она време„на писано, кадъ є духъ списателя найвећомъ жа„лошћу обременћнъ быо“**) вели онъ самъ у єдномъ своемъ дѣлу, коє є пуно шале, досѣтльивости, несташлука и ведрине.

Два дана предъ смрть свою излазіо є изъ куће; а истый данъ, кои намъ га є на свагда отео, гледао га є на ногу, обучена. — Кадъ се смртный анђео у нѣгову собу спустіо, нашао га є сѣдећа. Самъ

*) Дав. стр. 165.

**) Романъ безъ романа стр. VII.

єданъ слѣтіо є анђео смрти къ нашемъ пѣснику, — а за два тренутка узлѣтіо є іоштъ съ єднымъ прекраснымъ анђеломъ надземногъ живота у оне высине, у ков смртно око не достиже.

Прекрасна пѣсма стварала се у мыслима пѣсника, предъ нѣговымъ мысленымъ очима пролазили су красни, небесни створови лѣпоте и дивоте, у нѣговымъ мысленымъ ушима струяли су вали надземныхъ гласова и свирке, кадъ га є анђео смрти умртвляваюћимъ своимъ прстомъ у чело дирнуо, и све ове прекрасне створове, све ове, сласти пуне гласове разплашіо! За незаборављеногъ овогъ нашегъ пѣсника може се рећи, да є као лабудъ са пѣсномъ преминуо!

Онъ є врло младъ писати започео. Іоштъ ніє ни 20 година имао, текъ се у петой гимназіялной класи учіо, кадъ є прву пѣсму, „Слези Болгаріи“ написао. Пуныхъ 30. година радіо є на полю словесности свога народа, и пре 4. недѣлѣ оде са тога поля труда и муке, али заєдно и поля заслуге и славе. Година 1806. обрадовала є народъ нашъ роћенѣмъ изванредногъ овогъ човѣка; година 1856, уцвѣлила га є смрћу истога. — 50 година живіо є овай изванредный духъ у тѣлу на земльи: а докъ є народа нашегъ живиће у дѣлы своы у души народа свога!

Вршцу, тужный Вршцу, у теби оде высокій духъ

овай изъ средине наше! Вршцу, срећный Вршцу, у теби се роди ова сяйна звѣзда словеснога неба нашегъ! Вршцу, благословеный Вршцу, у твоме крылу почиваю кости заслугама увѣнчаногъ, дичногъ, неумрлогъ пѣсника србскогъ!

Допустите ми, да са гроба незаборављеногъ нашегъ Іована Стеріе Поповића животъ и дѣла нѣгова съ нѣколико повлака предъ духове наше узведемъ, и молимъ Васъ, да изъ любови къ нѣму слабо ово слово моє благонаклоно примите и саслушате.

А ты сяйный душе І. С. Поповића, приступи, укрѣпи ми духъ, и дай ми силу гласу, да могу овай задатакъ тако свршити, да те баремъ непонизимъ, ако те не узмогу узвысити!

Грађанскій животъ покойника ніє имао много промѣна. У Вршцу рођенъ, живіо є у Вршцу до год. 1840. као адвокатъ и професоръ латинске граматике. Ове године позове га правительство кнежевине Србіє за професора правословныхъ наука на Лицеуму Београдскомъ. На овай позывъ пресели се изъ Вршца у Београдъ, гдѣ є двѣ године споменуте науке предавао. Године 1842. одзове га исто правительство са професорске катедре и премѣсти га за началника у попечительство просвѣте. На нѣговъ предлогъ, іоштъ докъ є професоромъ быо, оснує се „Дружтво србске словесности“ у Србіи; а као началникъ у попечительству просвѣте потруди се и учини, те се темель

музеуму у Београду положи. Докъ є у споменутомъ высокомъ званію быо, израдіо є многе, школа тычуће се уредбе, кое су и у животъ уведене. Године 1848 остави сбогъ различныхъ неугодностій ово званіе, и затимъ врати се у Вршацъ, гдѣ се ожени. Одъ тогъ доба живіо є непрестано у Вршцу, и то само и єднако кньижевнымъ пословањемъ занимаюћи се. Кадъ самъ лане у зиму послѣдній путъ съ ньимъ у Вршцу быо, говоріо ми є, да є радъ у Н. Садъ доћи, да живи, осѣћаюћи се у Вршцу сасвимъ усамлѣнъ, и желећи чешће са кньижевпымъ людма састати се и о кньижевнымъ пословима разговора и договора имати. Но болестъ му не даде прошлога лѣта желю ову у дѣло привести, а црна смрть ево садъ му то за свагда украти!

Но у толико є богатіи, пуніи, бурніи, и плодніи быо нѣговъ кньижевный и духовный животъ.

Као што самъ већъ напоменуо, покойникъ є рано на кньижевномъ полю дѣлати започео. Год. 1825 као дѣчко издао є „Слези Болгаріи;“ а год. 1827. докъ є іоштъ у высокимъ школама у Пешти филос. науке слушао, напише трагедію „Светиславъ и Милева.“ Таки затимъ, год. 1828. изда трагедію „Милошъ Обилићъ,“ а год. 1830. трагедію „Несрећно супружество,“ и шальиву игру „Лажа и Паралажа.“ Год. 1837, напише шальиво

позорѣ „Тврднца,“ а год. 1838. изыђу му шальиве игре „Покондирена Тыква,“ „Зла жена,“ и шальива приповѣдка „Романъ безъ романа.“ Год. 1842. отвори се у Београду нѣкакавъ театеръ, и за овай напише Поповићъ траг. „Владиславъ,“ и „Айдуцы,“ алегорію „Симпатия и Антипатия,“ шальиве игре „Женитба и удатба,“ „Превара за превару“ и другихъ више. Год. 1847. отвори се опетъ театеръ у Београду и позове пѣсника на посао. Плодови овога времена єсу: „Санъ Кралѣвића Марка,“ „Коя є добра жена,“ „Скендербегъ,“ Смрть краля Дечанскогъ,“ и више другихъ. Међу послѣдня нѣгова драматичка дѣла спадаю „Лаханъ,“ трагедія, и „Београдъ некада и сада“ шальива игра. И пре тога є Поповићъ пѣсне писао, али мало и рѣдко. Послѣ покрета пакъ отвори му се пѣснословна жица, и год. 1853. добыємо „Даворѣ.“

Упокоєный пѣсникъ быо є єданъ одъ найплодніихъ нашихъ списателя. Коє штампаныхъ, коє нештампаныхъ има одъ нѣга сигурно преко 30. различитыхъ већихъ комада.

По овоме видимо неутрудногъ овогъ радина на полю трагедіє, шальиве игре, и пѣсне. „Светиславъ и Милева“ тако се читаюћемъ нашемъ свѣту допао, да се дѣло, што дотлѣ кодъ

насъ никадъ чувено не бы, двапутъ єдно за другимъ штампати морало. Светислава є написао младићъ одъ 21. године, комъ є іоштъ школа свѣтомъ была, кои люде ни съ лица честито ніе познавао, а изъ нутра ни толико. И зато морало є ово необычно слѣдство у другомъ чему лежати, а не у самомъ дѣлу, што морамъ овдѣ изрично примѣтити, да ме ко неправо не разумѣ.

У „Несрећномъ супружеству“ појави се трагичка сила пѣсника нашегъ у найлѣпше надежде обричућемъ виду. И у толико є было чудніе, да истый башъ у ово време правацъ напрасно промѣни, и сасвимъ другимъ путемъ удари. Несрећно супружество и Лажа и паралажа стоє єдно узъ друго као ноћь и данъ, збиља и смѣхъ, отровъ и медъ. И како є овда са поля трагедіе сишао, тако се за пуныхъ 10 година къ нѣму не врати.

У Лахану дође пѣсникъ до кулминаціоналне точке своє трагичке высине. Међутимъ садъ, кадъ є кругъ дѣланя нѣговогъ завршенъ, види се, па се може и казати, да га геніе лѣпоте не бияше управо за трагедію позвао. Природа нѣгова была є сувише къ сатири, хумору и ироніи нагнута, а у овомъ случаю ніе могућно човѣку, ма да се како упне и потруди, у трагедіи на врхъ изтерати.

Срећніе є было дѣланѣ списателя на полю

шале. „Тврдица“ или како га є самъ читаюћій свѣтъ по главномъ лицу прозвао, „Киръ Яня“ учиніо є списателя обштимъ любимцемъ народа. Киръ Яня направи читаву пріятну буну у читательима, и два велика изданія буду разграблѣна.

Дѣло двапутъ за живота издати, то є био у нашемъ кньижевномъ свѣту читавъ тріюмфъ. Пѣсникъ є дакле нашъ два такова тріюмфа доживіо.

Али при свемъ томъ праву высину свою достигао є покойникъ у дѣлу „Романъ безъ романа“ и у своимъ у новіє доба тако названымъ милобрукама: „Мода,“ „Дечини балови,“ а особито у онима, коє є подъ именемъ „Брачно море“ и „Узе“ издао.

Сатира, хуморъ и иронія бориле су се у природи покойногъ Поповића о првенству. Али є хуморъ мейданъ одржао, и сва сатира, коя се у дѣлы покойника показує, ніє права самосвоя сатира, него са сатиромъ сливаюћій се єданъ край хумора, као што и иронія му ніє права свойствена иронія, него другій край хумора, кои посредствомъ лаке иронїє у комику прелази. Зато му и єсу ова дѣла найсавршенія, и тако валяна, да имъ пара тражити валя. Єсу пакъ ова дѣла праве хумореске. У ньима списатель свѣтъ на особитый начинъ сматра. Ту досѣтльиве мысли као варнице прште, сяю, кадкадъ мало пецкаю, а никадъ не пеку; ту антитезе скачу као шарени

мѣхурићи по површю тихе воде; а лака шала све ружичнымъ, провиднымъ увиткомъ умотава, и све благомъ, мѣсечиновидномъ свѣтлошћу пресыпа!

Найдоцніе приступи пѣсникъ къ онимъ пословима, кои му найвише среће донесу. Текъ послѣ покрета одъ год. 1848. и 1849. преда се пѣснама у ужемъ смыслу рѣчи. Ове су му врло добро за рукомъ изпале; али се опетъ и у ньима нѣгова природа чисто и изворно огледа. Пѣсне покойника немаю чиста лика; у ньима се свима манѣ више лирика, сатира и хуморъ смѣшани показую. Али зато нити имъ то цѣну побія, нити силу и лѣпоту умалява, особито у наше време, у кое смо научили лѣпоту не само у класичкомъ крою и виду тражити и налазити. „Даворѣ“ є послѣднѣ дѣло нѣсника, а заедно и найвеће, па по томе и найсавршенніе. Чудесна дражесть, коя є преко овихъ пѣсана преливена, и коє ћемо изворъ одмахъ видѣти, чини, да ће ове пѣсне дотлѣ пріятеля налазити, докъ су люди люди.

И тако се упокоєный нашъ пѣсникъ у своимъ хуморескама и пѣснама као єдна одъ найсвѣтліихъ звѣзда на словесномъ нашемъ небу блиста, а сигурно велимъ, блиста ће се и на свагда! —

У духовномъ животу претрпѣо є упокоєный пѣсникъ многе и велике буре. Съ нѣколико рѣчій, али

разговетно, изявіо ми є то самъ у писму, кое ми є год. 1853 у Бечъ писао.

Наравно є, да се у духу, какавъ є у нѣму дысао, жестока борба са свѣтомъ изродити морала. Ту се ударала нѣгова особность са ванскимъ свѣтомъ; ту су се трла начела са изкусствомъ; ту се борила желя са силама; ту су се мѣриле идее са створовима; ту се кршіо характеръ пѣсника о характере другихъ людій, као оно што се крше санте сынѣгъ леда на Дупаву єдна о друге.

У овой вреви застане духъ пѣсника година 1848 са своимъ ужаснымъ догађаима, и ови борбу, кою су у духу пѣсника застали, прекину, али не заврше.

Како се ова врева у духу покойника слегла, какавъ му є животъ у духу, души и срдцу за собомъ оставила, то ми се види у пѣснама, кое є послѣ тога написао.

Да рану на срдцу никада ніе могао пребољѣти, каже намъ самъ на више мѣста.

„Кадъ веселя други траже,
„Пѣвацъ люби покой тихъ,
„И са тугомъ у прсима
„Зачинѣ се спѣвъ и стихъ“ *)

---

*) Дав. 135.

И на другомъ мѣсту:

„И тако су болне груди,
„Гди се чувство къ песми буди,
„И туга є пѣвцу друга.“ *).

Но іоштъ є већма ранѣну душу изъ борбе изнео. Чисто човѣка срдце боли, кадъ види ону ужасну свѣтлость, у коіой покойникъ люде и свѣтъ виђа. Немогући или нехотећи на выше узлетѣти, и тако све, што кодъ людій на овомъ свѣту быва, са те высине сматрати; и видећи, да найлѣпше идее духа людскогъ низкимъ страстма срдца човѣчіегъ подлежу, да люди єдно говоре, а друго мысле, єдно кажу а друго раде, высоко мысле, а низко дѣлаю, увѣкъ или себе или друге вараю, накратко, да людскій свѣтъ ніе управъ ни оно, што є, а камо ли, да є онакій, каковъ бы по идеалу узвышеніихъ духова валяло да буде, морао є на свакій начинъ ватрене болове у души своіой осѣтити и све єднако осѣћати.

Крваве сузе морала є душа човѣка проливати, кои є ове врсте написао:

„Оћешъ слободу, наћи ћешъ у гробу,
„Гробъ скида ланце дугосужномъ робу,
„Ћути насилникъ, нит' оружѣ звечи,
„Права да гнѣчи.

*) Дав. 21.

„Тражишъ єднакостъ? та подъ земльомъ влада,
„Ту свако чина преимућство пада,
„Краля ил' роба, ништетна ил' славна
Судба є равна.

„Тражишъ ли братство? у гробу га тражи,
„Корысть ил' глупость гдѣ на бой не дражи“ *).

И ове:

„Глупость и себичность, два идола слабости свѣтске,
„И честолюбія дымъ людска покрећу дѣла.“ **)

Чудновата пѣсма „Година 1848“ ніе ништа друго, него разговоръ човѣка, кои пушку пуни, да се убіе, што му црни контрасти свѣтскогъ живота додіяше.

А каква црна ноћь мора да влада у души мужа, кои човѣку, овомъ дичномъ цвѣту цѣлога створеня виче:

„Човече, сыне блата, чедо слабости, суза и беде!“ ***) коме ни самъ Цезаръ, єданъ одъ најузвышенііхъ духова, ништа друго ніе, него.

„После човека црвъ, после црва смрадежъ и трулежъ,
„После трулежа пра.“ ****).

---

*) Дав. 31.
**) Дав. 31.
***) Дав. 57.
****) Дав. 57.

Предивна пѣсма „Човекъ“ пуна є гласова, у коима болна душа єчи; пуна є истина, али само изъ єдне половине природе човѣчіе црплѣныхъ. Све, што є у природи човѣка мрачно, тампо, ужасно, несавршено, ту є, као у огледалу, са најживльимъ бояма изображено: а оне друге сяйне, высоке, лѣпе и выспренне истине или се нимало не виде, или су тако у сѣнку ставлѣне, да се текъ провиде.

У подобно станѣ долазе обычно люди, кадъ се у борбу са свѣтомъ упусте, али є на край не изтераю. Контрасти свѣтскогъ живота могу само онда срдце парати и душу трзати, кадъ се духъ са свѣтомъ удара; докъ се та борба не почне, дотлѣ човѣкъ те контрасте на умъ и не узыма; а кадъ га борба побѣдомъ увѣнча, онда се сви контрасти у вышу хармонію слію.

Немогавши или нехотѣвши борбу са свѣтомъ на край изтерати, повуче се нашъ пѣсникъ у светилиште свога духа, у предѣле идеа. Свезу, коя га є до тогъ доба са свѣтомъ скопчавала, прекине, и нити хтѣде више за нѣга да зна, ни да чує.

„Хоће л’ ми вѣнце свѣтина плести,
„Славнымъ ил’ малымъ звати,
„Кадъ животъ чистъ є одъ злости и лести,
„Друго не тражимъ знати“*).

*) Седмица 1855. стр. 293.

Као ослѣплѣный славуй изъ свое вѣчите ноћи, тако стане нашъ пѣсникъ изъ свога светилишта роду своме сладке пѣсне изводити.

Али паравна є ствар, да му духъ ніе могао онакавъ изъ борбе изыћи, какавъ є у борбу ушао.

Пре свега видимо оно, што обычно у свѣту послѣ рата опажамо. Убойнымъ силама, кое се уморе, постане миръ првомъ потребомъ, и овай добые кодъ ньихъ важность и цѣну, кою по себи нити има, нити треба да има. На толико мѣста налазимо кодъ упокоеногъ пѣсника, гдѣ оваку мира славу пое, часъ хвалећи сувише самъ миръ, часъ и то чешће, вичући на врѣву и борбу. Єдна одъ найлѣпшихъ пѣсама, пуна чудесне милине, „На смрть єдногъ съ ума сишавшегъ“ дыше скрожђу овимъ задахомъ, и свршуе се овако:

„У вѣчномъ свѣта немиру ты си
„Єданъ уживао миръ:
„О срећанъ ты си! садъ те у гробу
„Вѣчитый обима миръ.“ *).

Затимъ опажамо, да се духу пѣсника свака борба и непріятельско трећ сила омразило. Онъ се грози, кадъ види, да силе бой воде; онъ се гнушава кадъ види, да крвь тече; нека само ніе муке, бѣде и плача!

---

*) Дав. 19.

„Али зашто се крвь пролива у вѣку слободе:
„Заръ ню рађа мука, бѣда, и туга и плачъ?“ *)

Ко врѣву надвлада и тишину поврати, тай є полубогъ:

„Дркће Ромула градъ предъ Цезара умомъ и силомъ,
„Грађанинъ са трепетомъ новога Суллу чека,
„И онъ прашта свакомъ, залечуе држави ране,
„Благость бира за штитъ, законе мудре носи.
„Диви се той величини духа поницна вселенна,
„И кои бяше човекъ, народма єсть полубогъ“ **).

Пѣсникъ се истина не бяше до сфере обште и вѣчне хармоніе узвысіо, али му є ипакъ кадкадъ у духу зазоріо онай хармонійскій свѣтъ, кои се рађа, кадъ се сви контрасти изравнаю, и све силе у любовну свезу ступе, или иначе, кадъ Богъ човѣку опрости и у рай га уведе. Луча ове зоре блиста у овимъ стиховима:

„Али силе свевышнѣ
„Злопамтиве нису,
„Ономъ рукомъ враћаю,
„Коіомъ су узеле,
„Да се човекъ умудри,
„То су ньине желѣ“ ***).

---

*) Дав. 32.
**) Дав. 34.
***) Дав. 74.

И у овомъ:

„Но на небу правда свакомъ суди!“ *)

Изъ свога светилишта, изъ крыла мира, кои нарушити ничему не даваше, немарећи, шта ће свѣтъ рећи, како ли ће примити, пуштао є пѣсникъ гласъ свой народу, осуђујући безъ обзира, што му се чинило, да треба осудити, кудећи, што є за куђенѣ, и истину голу нагу безъ увитка казујући, па было то комъ право, не было. За истину и добро людства готовъ є было найжешћа пѣсничка средства употребити:

„Побер'те с' рѣчи гладке и стройне,
„Слюбите дражестъ и красъ,
„Да Србство, сазнавъ бѣде безбройне,
„Ревньиво пойми се васъ.
„Ал' чувство къ добру гдѣ нађете блазно,
„Єдъ некъ вамъ звуцы кану,
„Да спѣвъ мртвольце кадъ буди напразно,
„Отвори живу рану.
„Што трава не зна, гвожђе то вида,
„Огань надъ гвожђемъ є лѣкъ:
„Некъ съ боломъ глупацъ проказе скида
„Ладанъ спрамъ свога и прек!“ **).

О не украгите му вашу захвалность и любовь сынови и кћери рода; о сѣтите га се, и спомен'те га

*) Дав. 122.

**) Седм. 1855. стр. 295.

се живо и данасъ, и одъ данасъ почесто. Та онъ васъ є све тако силно любіо, да вамъ є и здравлѣ, и мысли, и само оно, што му є одъ свега наймиліе, свое пѣсне за жертву одредіо.

Ево како своимъ пѣснама за вашу любовь говори:

„Нека само Србство трае,
„Макаръ были ваши дани
„Заборавомъ претрпани,
„Ил' пѣсничства смешна брука.
„Некъ судбине стрела свака
„О васъ болѣ връ отупи,
„Да кадъ Србству злымъ приступи,
„Не узможе ране дати.
„Нека Србство буде славно,
„Ма се хвала одъ васъ крыла,
„Та наша є гордость была
„Само рода гласъ узнети!“ *).

Слави народа србскогъ посвећене су пѣсне: „Споменъ видова дана,“ „Србскій народъ и нѣгова судбина“ и „Даворѣ на полю Косову, одъ коихъ послѣдня толико красоте и дивоте има, да се човѣкъ доста начудити не може.

Дубоко оно чувство, коимъ є пѣсникъ народъ свой обимао, указуе се найсилніе ондѣ, гдѣ за сяйномъ прошлошћу ядикуе.

---

*) Дав. 12.

„Косово, црно полѣ, ты Срба друже неверный,
„Кому цветомъ цветашъ, комъ ли се ресишъ тако?
„Веспомъ суво твое променюешъ лице печално,
„Ал' прескорбне спомснъ беде промснит' не знашъ.
„Жаромъ реке твое засушую образе влажне,
„Потоке суза наши тко ће осушит' игда?“ *).

Исто тако у найтанѣ жице дира, кадъ пѣва:

„Ситницо, тужна водо, комъ предаде крваве струе,
„Кадъ се борцы наши даше за народъ на смрть.
„Крваво лице твое испира росната весна,
„Крвава срца нашегъ тко ће изапрати болъ?“ **).

Или кадъ уздыше:

„Жичо, седмовратна Жичо, чуварице царскога вѣнца,
„Бывша сяйна, сада слепы мышева си станъ!“***)

Видѣли смо, да пѣснику нашемъ за славомъ свѣтскомъ ніе было стало.

„Некъ се проѣе венце плести,
„Пѣвца желя та не дражи,
„Колико ли слава важи,
„Кадъ се брза смрть пріяви!“ ****)

Но любећи родъ свой изъ дубльине срдца, на-

---

*) Дав. 90.
**) Дав. 91.
***) Дав. 100.
****) Дав. 12.

равно да є желити морао, да кодъ истогъ у лѣпомъ спомену остане.

„Єданъ споменъ некъ насъ прати“).

и:

„И на твоме ће стаяти гробу потомака нога,
„Гробъ некъ ти заслужномъ єпоменикъ сяяшъ буде! *)

и:

„Єдна добра дѣла изъ блатнога дижу се гроба,
„И у анђелскомъ створу къ престолу вѣчномъ лете.
„Примаю награду ту, и сяйно враћаю с' доле,
„Да и на земльи іошть єпоменомъ живе дугимъ“ **).

О живи ће споменъ твой, незаборављѣный пѣсниче! живи ће у народу твоме, докъ є народа самогъ, и живи ће свагда у лучезарной овой свѣтлости, у коіой намъ се данасъ изъ гроба твога подиже. Єдно колѣно сынова рода твога предава ће га као светый аманетъ другомъ са ономъ пѣсномъ пророка: „Аще забудешъ, — забвена буди десница твоя!“

Ево овако є живіо мужъ, кога споменъ данасъ овимъ светымъ и народнымъ обредима прослависмо; овако се развіяо духъ, кои насъ є са похваљнымъ

---

*) Дав. 17.
**) Дав. 54.

дѣлама обдаріо. Садъ ћемо му само послѣднѣ дане да напоменемо, па ћемо се онда съ њимъ опростити.

Оставивши званіе у Београду ніе се ничимъ другимъ занимао, него само и єднако књижевнымъ пословима. Чисто се видѣло, да самъ одъ себе отима, слутећи, да ће скоро доћи часъ, кадъ ће све съ њиме у црный гробъ пасти. Духъ му є био снажніи него игда;

„Ал' у прсима свакъ трулежа усевъ носи! *)

и:

„Судба є човека та: зомля да земля буде!

25-огъ Фебруарія т. г. оставй овай свѣтъ, кои

„— — скровену забацуе смерность,

„Лупияве верніи другъ,“

и гдѣ

„Што пршти, сева, потреса и руши,

„Томе диви се пукъ“ **).

Садъ, кадъ одешъ у Вршацъ, нећешъ наћи оногъ малогъ, сытногъ, болногъ човѣка са великимъ здравымъ и силнымъ духомъ, него ће те пріятельи извести на єдну могилу, коя іоштъ зеленомъ травомъ обрастла ніе, и казаће ти, да тай изванредный Србинъ подъ томъ могиломъ вѣчный санакъ борави. Но

---

*) Дав. 13.

**) Дав. стр. 117.

„Врат' се натрагъ у полѣ
„Српска книжства хваљна
„Ту ћешъ њѣга видити
„Безсамртно жива;

а ондѣ

„— само мрачный гробъ
„Кости му покрыва!“ *) — —

И садъ се опетъ къ теби обраћамъ, о душе милый! прими изъ уста моихъ хвалу свію сународника, кои ти ево овдѣ споменъ славе, хвалу за твое труде и за твоя дѣла!

„Миръ теби друже!“

теби

„— — савременость“ не „мрзи
„Заслугамъ живымъ славу да прибрзи“

теби рано

„— за вѣнце награду носеће сустиже цвеће“ **)

ты се наслађавай тамо те дивоте и красоте вѣчногъ. мира и савршене хармоніе, а

„Духъ рода српска, судбиномъ спечалѣнъ,
„Гробъ некъ ти чува, — —
„Сыный ахъ гробъ твой и леденъ и таванъ,
„Чувству намъ раванъ!“ ***).

---

*) Дав. 122.

**) Седмица 1855, стр. 286.

***) Седмица 1855. стр. 286.

II.

О

ЕПІСКОПАТУ СРЕМСКОМЪ.

(Съ Латінскогъ *).

Тко є био- првый основатель или возобновитель Епіскопата Сремскогъ?

Првый є био, Побожность вѣрны првы т. є. хрістіана, кои су Епіскопе отъ Столице Апостолске, или башъ отъ самы Апостола тамо послате, снабдѣвали, и могутствомъ своимъ ранили.

Другій, казатисе може, да є био Константінъ, Великій, кои Цркву Сремску, изъ Епіскопске Примаціалномъ, и Архі-Епіскопскомъ учини, коіомъ приликомъ, и приходе те, за честь, безъ сумнѣ, умножіо є.

---

*) Изведенно изъ книге подъ тітуломъ: „Vindiciae Sirmienses seu Descriptio Sirmii“.

О УКРАШЕНІЮ СРЕМА.

(Съ латінскогъ.)

У дѣлцу подъ тітуломъ Славніи Угаріе градова (вароши), славнія повестно-землеписно-описана, и уведенна; године 1701. у Трнави изданномъ, пре, него што є Аукторъ на описаніе Срема дошао, ево о истомъ како говори:

За чимъ болѣ прво да тежимо? него за главнымъ Рима старогъ поселеніемъ, Православне Цркве столицомъ првомъ и Митрополітскомъ, Імператора домовиномъ, Светителя отечествомъ, найславніи мученика множествомъ; Митрополіомъ, коима тітулама многима радоваосе и славіосе Сремъ, славнія представити да почнемо.

СІРМІУМЪ (СРЕМЪ).

Кои отъ древны Землеописаоца првый, Страбо; Савіамъ, Сірмінъ, Іорнандъ; Серміумъ, Евагрій; после Грцы, као што каже Нікита Зеугмінумъ называли су; градъ (варошь) некада Панноніе найславніи быо є, и по древности, и достоинству, и превосходству. Тай главный градъ (варошь) Сірміумъ, да є отъ найдревніи Трібалла (Трівалла) или Бугара Краля Сірма (кои са Александромъ Великимъ, кадъ є войну противъ Ѳрака преко Ема (пла-

нине у Θракіи) предузео, у милость и пріятельство чрезъ понизне дарове умирившійсе, дошао), презиме себи Сірма градъ (варошь), да є онъ сазидао, єдва, да є суетно погађанъ, као што одобраваю, Лазій, Бонфініій, и многи новіи Земленисцы. Трібалли су т. є Бугари заиста у Мезіи, или као што се другима допада у Мусіи, (коя є садъ у горню и долню раздељена, гди су Сербіе и Бугарске Кралѣвства) земли Панноніе найближой т. є нашой Унгаріи, съ овыма пріятельствомъ и союзомъ союженной, обытавали.

Година созданія главне вароши (града) сбогъ древности свое не знасе, може быти небреженіемъ мало ученогъ народа, у книге ніе записато. Но известно є, да є Римляномъ было Сірміумъ сбогъ превосходства, древности, пространства, пріятности плодоносія, найпрепоручителніи; єръ се чита, да су Августъ Кесаръ, Октавіанъ Сірміумъ и Сегесту (Segestam) магазиномъ воинства, противъ Дака, Рима противника, установили.

Споминю Сремъ отъ древніи землеписаоца многи: Херодіанъ у книг. 6-ой, Амміанъ у книг. 16-ой, Плініій старіи у книг. 3ой Гла. 15ой, Флавій Вопіскусъ у животу Пробуса Імператора. Цела та главна (варошь) градъ данасъ є као єдно село. Но древнѣ оне, нити су се мали, нити тавни трагови, равно са развалинама Палате Імператора, отъ свію после Римски найлепше, іоштъ год. 1598 видили.

Лежао є тай градъ на подножію Фрушке Горе, у среднѣмъ скоро простору између Београда, као на востокъ, и Архіака, и Архіа, обште Аркій, Босне варошице, као на западъ, гледао є. Рѣка, кою Бакунціомъ называ Пліній, (а мы Босутъ), нѣга є најпріятніе наплюскавала.

Између украшенія града Сірміума, отъ кога є целомъ овомъ најпріятніемъ предѣлу име заостало, најславніе є ово: Да є био дуго Императора Резіденція; тамо Констанція Дворъ [1]) Пробуса [2]) и Граціана [3]) Паллате, Валента [4]) обыталиште, стація Патріція [5]) Римски наймилія.

У Шарепграду.

Веніаминъ Бороцкій,
Єромонахъ и Адміністраторъ.

---

[1]) Констанцій живіо є у IVомъ (4) столѣтію.

[2]) Пробусъ у IIIмъ (3) стол.

[3]) Граціанъ у IVомъ (4) стол.

[4]) Валентъ у IVомъ (4) стол.

Какови су были новцы тій Императора видитисе може изъ Dissertatione de Columna Milliaria Петра Катанчића стр. 106, 107 и 112.

[5]) Патріціи были су у Риму єданъ родъ отъ высокогъ Благородства, и ньове породице биле су најзнаменитіе. Они су се звали Патріціи, будући су отъ најстаріи Сенатора произлазили.

III.

ЂУРАЂЪ БРАНКОВИЋЪ.

(Историчный Романъ).

(Продуженѣ).

Милица є већъ была наклонѣна жельи Баязитовой.

На како то, да се она на то склони, — после жалостне Косовске битке, после паденія Лазара и своы найближньы? Камо жалости удовичне, камо мржиѣ супротъ турчина, камо освѣте?

Све ове противности су нестале поредъ пріятельскы рѣчій турчина. Вука се Милица бояла, па бы се буди съ кимъ саюзила, само Вукъ да не господари. Она є видѣла, да нѣни привржениць неймаю толико снаге, да могу наскоро толику войску скупити, съ коіомъ бы она могла и Вуку и Турчину противустати.

Милица се на страну са Юсуфомъ повуче, а Милеву остави, да се међутимъ благомъ наслађава.

Юсуфу Милица обрече, да ће дати Милеву, али найпре мора за ту ствары преправити и Милеву, и

Патріарха, и Войводе, да небы сбогъ тайности дѣла, и новости такове удатбе како ове тако и народъ огорчила.

„Дакле могу Сулатну тай гласъ однети да є твоя кћи нѣгова?“ запыта Юсуфъ.

„Можешъ — одговори Милица — само мало ми времена дай, да я све то у редъ доведемъ, па ћу ю скорымъ Султану послати“.

Турчинъ съ тимъ задоволянъ, ніе се дуго у двору бавіо, него ускори вратити се на Косово.

Милица пакъ међутимъ потруди се Милеву приволѣти на тай планъ, кои іой се као породицы спасителапъ видѣо.

Магновенѣ є было згодно. Милева се одъ свое мале забуне іоштъ ніе опростила была.

„Како ти се допада ово благо, дѣте мое?“ запыта Милица.

„Ово є особито што; но чіе ће све то быти сладка мамице, хоћешъ ли све то за себе задржати, или ћешъ сестрама што одъ тога дати?“ одговори Милева.

„Све є то твое. Султанъ є чуо какву я добру кћерь имамъ па є ньой све то послао. Твое су сестре у свое доба одъ свега доста добыле“.

Милева се зарумени, ніе си знала изяснити, зашто башъ ньой да се то пошлѣ, одъ турскогъ Цара,

кои є нѣномъ отцу душманинъ био, — но опетъ и потайно любопытство ю мучило.

„Па заръ є тако добаръ тай турскій царъ?“ запыта свою матерь дѣтиньскимъ любопытствомъ.

„Сви га особито хвале. Кажу, да є далеко болыій одъ отца му Мурата. Кажу да є іоштъ и младъ, лѣпъ, а да є силанъ, то и мы знамо. Доста то, да намъ се онъ — као турчинъ и непріятель, засадъ вѣчимъ пріятелѣмъ показуе негъ буди ко другій. Помысли само да намъ є войска на Косову пропала, Вукъ насъ напаствуе, а Баязитъ поредъ све наше неволѣ неће да на насъ напада, него пріятельство ми подноси, и драгоцѣнне ти — као што видишъ, поклоне шилѣ,“ одговори Милеву на свою руку наводећа — Милица.

„Ко бы се той доброти одъ турчина надао?“

„Е видишъ кћери, Богъ самъ хоће, да насъ одъ напасти спасе. Садъ шта бы одъ насъ было, да намъ буде и одсадъ турчинъ непріятель; ко бы насъ браніо? Заръ старый Новакъ са своы стары другови? или заръ младый Светиславъ са своіомъ младомъ дружиномъ? Камо србске войске, србскы войвода, камо Обилића? Садъ іоштъ да ніе Богъ Баязиту дао срце благо; зло и наопако по насъ.

„А шта ћешъ ты мамо зато Баязиту учинити?“

„Е кћери моя, и сама садъ о томъ мыслимъ. Я бы му буди шта жертвовала за нѣгово пріятельство.

Таковъ пріятель и заслужуе, да му се пріятельство врати.“

„О то є добаръ турскій Царъ, гледаймо мамице, да и мы нѣму што лѣпо пошлѣмо, да се не осрамотимо.“

„Али шта бы то было? Султанъ блага нити треба нити хоће. Кажу да є кодъ нѣга благо нагомилано; притомъ силанъ є. Онъ хоће и да се жени. Премда турцы више жена имаю, али опетъ мора имати єдну, коя му є прва. Онъ садъ такову прву тражи. Грцы намећусе, да му какову грчку кнегиню на вратъ баце; али онъ неће ни єдну.“

Па заръ турчинъ узыма и ришћанку?“

„О да како, па те како ій красно држе! Но кадъ бы садъ тебе Баязитъ запросіо, бы ли бы драговольно за нѣга пошла?“ запыта ю нѣшто шальивымъ гласомъ Милица.

Милева се опетъ застыди.

„Но говори кћери, та ништа зато, ты си овде съ твоіомъ матеромъ, нити насъ ко слуша; кажи право шта мыслишъ, кадъ бы те заискао?“

„Мамо, я то не смѣмъ казати.“

„А зашто?“

„Зато, єръ не смѣмъ .... єръ не знамъ на то ништа казати.“

„Кћери моя, я знамъ зашто нећешъ да говоришъ. Ты носишъ у срцу Светислава, па бы ти као тежко было одъ нѣга се одтргнути, є ли?“

„Єсть,“ одговори жалостно Милева.

„И я волемъ Светислава, као да ми є сынъ, али шта помаже. Прво онъ є само єдногъ войводе сынъ, а ты царска кћи. По свѣту царске кнегинѣ удаю се за цареве и кралѣве, а кодъ насъ є было досадъ рђавъ обычай, да су се кнегинѣ за обычне властелине или войводе давале. Ево шта намъ є ползовало што су намъ дѣца удата за Вука и Обилића. Єданъ насъ издаде, а другій погибе, безъ да є какву подпору за насъ оставіо. Да су се поудавале быле те мое кћери за какове кралѣве, садъ бы смо имали одъ две стране помоћи, а овако ништа, тако треба да узмешъ стварь. Я, да самь као ты, па да ме Баязитъ запроси, съ драге волѣ бы пошла, єръ богме неће насъ Светиславъ одъ бѣде сахранити. Но, бы ли бы пошла за турскогъ цара?“

„Али за Бога, све ме то те то пыташъ . . . . .“ одговори сбунѣно Милева.

„Ты се о томъ не старай, само ако хоћешъ; а далѣ є моя брига.“

„Али Боже . . . шта бы после радила. . . .“

„Са Светиславомъ? Не бринисе ты за то, наћи ће онъ за себе другу; та онъ є младъ. Па заръ ты мыслишъ, да є онъ текъ за тебе заузетъ? та колико путы самь примѣтила, да є онъ и са другима у врло любезнымъ наклоностма? Остави само на мене.“

„Али Светиславъ каже, да му є отацъ рекао, да самь му я већъ одъ могъ отца намѣпѣна, па шта бы садъ на то казао?“ одговори као крозъ плачъ Милева.

„То є моя брига. Твой отацъ ніе могао знати, какове ће насъ бѣде постигнути. Да є живъ садъ и онъ бы све то одобріо. Но садъ ти озбильно кажемъ, да те Баязитъ за жену иште; ако те недамъ, опустошиће намъ землю, и са Вукомъ — изгониће насъ, па ћемо се потуцати одъ немила до недрага; ако ли те пакъ дамъ, быћемо на миру, а ты ћешъ постати славномъ царицомъ. Садъ иди, но никомъ ништа о томъ не говори; све ће добро быти а особито за тебе.“

Садъ Милица остави Милеву саму. Она є знала, да ће ньой у почетку тежко пасти, кадъ помысли, да се може одъ Светиславе разстати, но и то є знала, да младо створенѣ да се и на ову и на ону страну савіяти, па садъ некъ се изядикуе, єръ са ядикованѣмъ са сузама млого ће се и жалость умалити.

И доиста, Милева, премда є плакала и жалила Светислава, али све у манѣмъ и манѣмъ степену, тако, да се видѣло, да ће се жалость яко умалити. У нѣномъ срцу, у нѣнымъ мыслима будућность се са садошньосћу борила и смѣшавала. Садъ іой долазаше на паметь, како ће ньой безъ Светислава тежко быти, и као да умрети мора безъ нѣга,...садъ опетъ

представляло іой се, како ће изгледати као царица. Ове последнѣ мысли умножавашесе.

Премда є цѣла та стварь имала іошть остати у тайности, али опетъ, какове тайне не прочуюсе?

Милева є имала свое вѣрне другарице. Коіой той одъ овы морала є тайну одкрыти, баръ да съ тимъ срцу одлакша.

Наскоро се у двору о томъ шушкало: да є Юсуфъ быо да проси Милеву за Баязита. Дойђе то до ушію Светислава и свію осталы.

Може свакій помыслити, како є то Светиславу пало. Онъ се састане съ Милевомъ. Примѣти на ньой велику промѣну. Она му исповѣди шта турчинъ ише, алъ ніе му ништа о нѣной промѣни, и о материной намѣри говорила. Шта више, она му изяви, да га и садъ искренно воле, и текъ . . не зна ни сама—каква бы є сила одъ нѣга за навѣкъ разставила. Присуствіе Светислава ню є старымъ любовнымъ чувствомъ запаяло, али како га не види, а оно іой долазаше и друго коешта у главу.

Светиславъ є изъ нѣны очію читао свою несрећу. Любовь є іошть ту была, али на ньой примѣчаема промѣна о будућности сумню му уливаше.

Шта є садъ Светиславъ чиніо?

Шта є могао у томъ положеню чинити? Пунъ огорченя и люборевниве страсти, волноваосе нѣговымъ чувствама као буромъ узколебано море, проклињо

є онай часъ, кадъ се родіо, кадъ є Милеву видѣо, проклиняо є люде, кои недопуштаю двама любећимъ срцама споитисе. Жедніо є за освѣтомъ, у мыслима тражіо є оногъ, комъ є првомъ у главу дошло нѣгове любезне Милеве лишити га. Пребацывао є и Милеви, да га не милуе, кадъ и помыслити може, да ю ко одъ нѣга отети може противъ нѣне волѣ. Онъ бы хтео, да она пре у ватру у воду, съ ньимъ заедно пойће, него да и помысли на другогъ. Но она, поредъ све любави, ніе имала у себи толико одважности, да бы се на сваштa предати могла. Милева є была млада, и материномъ уплыву неограничено подложна. Младића странствующе мысли нису є могле на што изванредно побудити. Она га є само тѣшила, да га милуе, да ће Богъ одъ ньы незгоду, коя любовной имъ свези грози — одклонити; али шта то помаже, кадъ є ключъ нѣне будућности у туђимъ рукама.

Оставимо садъ мало ове младе. Они некъ се кошкаю, некъ си пребацую, некъ се тѣше; и онако лакше пада любећемъ, кадъ є самъ поредъ своегъ предмета, кадъ му любопытне туће очи и подсмѣшльивъ погледъ не сметаю. Некъ Светиславъ осѣћа болю повређене любави; онъ є младъ, нѣму є та боля у томъ положаю слађа него другима Богъ зна шта. Да видимо шта други раде.

Тай гласъ, да є турскій посланикъ Милеве ради

дошао, наравно, дошло є до ушію и Патріарху. Новакъ ніе быо у двору. Онъ є по Крушевачкы предѣлы нову войску купіо, но са слабымъ успѣхомъ.

Патріархъ оде къ Царицы, да одъ нѣ саме чуе, шта є у ствари. Царица му све исповѣди. Патріарху се сузе низъ очи пусте. Савѣтовао є Царицу, да то не чини, моліо ю є и преклиняо. Царица, премда мало вечъ разжалѣна, одъ своґъ намѣреня не одступаше.

„Дакле наймиліе ягнѣ изъ хрістова стада вуцы ће однети?“ запыта жалостиво Патріархъ.

„А шта ћу да радимъ у овако жалостномъ положеню, гдѣ ми се са свію страна са нападаемъ прети?“ одговори Царица.

„Али шта ће Богъ и народъ на то рећи?“

„А шта ћу кадъ ми народъ не може помоћи?“

Патріархъ іой доказываше, да ће та ствярь рђава слѣдства за собомъ повући; да є то за народъ рђавъ примѣръ. Милица на то ћуташе.

„Свѣтла Царице! я мыслимъ, да бы добро было о той ствари и съ другима посовѣтоватисе; та є ствярь земальска, она се цѣлогъ народа тыче;“ рекне Патріархъ.

„Я нисамь томе противна,“ одговори Царица.

Овако се Патріархъ съ Царицомъ договори, а после тога остави ю, за кратко, докле се дворскій савѣтъ не скупи.

Отацъ Леонтіе кадъ чуе новину дворску, силно се разжали; онъ є у свему са Патріархомъ држао.

Отацъ Хараламніе са највећомъ радошћу прими тай гласъ. Светиславъ му быяше кость у грлу.

Русна быяше сбогъ тога у недоумћню. Она ніе томъ гласу ни вћровала сасвимъ, єръ є држала, да є све то Царица сплела само зато, да Бранковићеву партаю заплаши. Додуше Царица се дволично према Русне владала, а и Русна према Царице. Особито, одъ како є Цара нестало, међу ньима є такова ладноћа завладала, да є слабогъ већъ изгледа было, да ће Русна моћи дуго у двору остати. Она є то и примћчавала. Само іоштъ ніе чисто знала, шта се то мути и плете. Падне іой на умъ Хараламніе, кои є могао све то чистіе знати, єръ є близу Патріарха.

Хараламніе добые позывъ оъ Русне.

Онъ ніе на себе дао дуго чекати. Єдва дочека ову прулику. Са радостны корацы похити онамо.

Онъ Русну прилично забринуту најће.

„Добаръ данъ Милостива!“

„Богъ добро дао отче; шта има новога?“

„Я мыслимъ, да ћешъ ты болћ знати одъ мене?“

„Та нћшто чуемъ, да се о Милеви говори; шта си ты о томе чуо?“

„По цћломъ двору разнео се гласъ, да є турскій посланикъ дошао да проси Милеву. Она є сама

своимъ дворскимъ другарицама, а и самомъ Светиславу са плачемъ исповѣдила. Видѣо самь га да є лютитъ и жалостанъ. Желіо бы знати, шта ће текъ старый Новакъ на то рећи. Онъ є већъ за сигурно држао, да ће се са царскомъ породицомъ сродити.“

„Но то є само разнешенъ гласъ; истина є да є турскій посланикъ нѣшто о томъ говоріо, то ни сама Царица не таи, но не знамо шта є далѣ у ствари.“

„Та већъ было што му драго, текъ по Светислава не мора добро быти. Єръ само да га видишъ како изгледа.“

Русна на то, као мало забринуто:

„Я не знамъ шта ће одъ свега тога быти; али добро быти неће. Ако Царица Милеву турчину да... шта ће онда быти... Е л’ отче, ты си Бранковићеве лозе пріятель,... я поне тако о теби судимъ?“

„О том’ се ни сумняти не треба.“

„Е добро, теби ћу се вовѣрити... већма него мом’ сыну, кои не трпи Бранковићеве; али шта ћу му, кадъ се неда освѣстити. Кажи ми найпре, шта си чуо одъ Патріарха или отца Леонтія?“

„Іоштъ нисамь досадъ ништа изъ ныы извадити могао. Све се нѣшто потайно договараю. Но у колико самь докучити могао, примѣтіо самь, да ће се велика какова промѣна догодити.“

„Но башъ да се стане та Милевина удатба, небы добро было по Србљ. Ако се то случи, онда є

све то сбогъ тога учинѣно, да турчинъ Бранковића утамани. Но съ њимъ бы се и последня сила србска утаманила. Іоштъ кодъ нѣга има нѣшто србске силе, а кадъ бы онъ пао, онда бы турцы безъ мача све покорили,“ рекне увѣрителнымъ гласомъ Русна.

„То може лако быти,“ одговори калуђеръ.

„Ніе башъ ни тако као што ты кажешъ!“

„Я опетъ мыслимъ, да ће Бранковићъ на опрезу быти.“

„Али како ће противъ толике силе самъ?“

„Нека се саюзи съ Мађарима.“

Русна се почне мыслити. Тай планъ не чиняше ой се сасвимъ рђавъ.

„Морамо се са Бранковићы договарати. Све имъ треба на знанѣ дати. Хоћешъ ли ми отче у свачему на руцы быти?“

„Заклинѣмъ ти се хоћу.“

Садъ започне Русна са іоштъ повѣрителніимъ гласомъ. „Садъ морамо мало стрпљиви быти, докъ се цѣла стварь больма не развіе; мы треба при свему да идемо Бранковићу на руку. Княза Стефана треба умалявати, єръ онъ нѣшто важи, па бы сву Бранковића надежду осуетіо.“

„Нѣму ћемо свуда на путъ стати.“

Овако се Русна са калуђеромъ договорала, и све имъ є нато тежило, да се Бранковићъ осили.

На єданпутъ разнесесе гласъ, да є дошла Мара кћи Царице, жена Бранковићева, са сыномъ Ђурђемъ и свитомъ.

И доиста примѣтисе новъ жагоръ у двору.

Мару и Ђурђа послао є Вукъ у дворъ, да изв иде, шта се овде ради, да бы знао чега ће се држати.

Вукъ є гордъ быо да се покори Милицы и нѣнымъ сыновима; алъ опетъ є за нуждно нашао другимъ путемъ, ако се може, што за себе радити.

Мара є была такође горда, властолюбива. Она бы радо изъ материны руку владу извукла. Она є свою матерь текъ у толико радо имала и поштовала, у колико іой суети и слаболюбію нѣномъ на путу не стои; за свою суетну корысть све є была у станю жертвовати. Она не да є искренно сожальивала матерь у нѣномъ сумнителномъ станю, па да ю у надежди крѣпи, да ће све добро быти, но гледала є материну корысть своіой жертвовати.

Мара є была одъ онаковы кћерій, кое кадъ се удаду па имъ се добро води, а мати удовица остане и у бѣдно станѣ дойђе — надъ своимъ матерама господство нѣко и преимућство траже. Особито садъ, кадъ већъ толикогъ сына има, онда су іой материни сынови на путу. Милица є већъ одавно искусила свою кћерь Мару, и да не кажемо да є мрзила, у онолико є текъ радо имала, у колико какова мати кћерь свою само зато воле, што ю є родила. Мара є спрамъ ма-

тере была лукава, па тако є и мати была прама нѣ честo претворна.

Садъ є Мара дошла, да материно станѣ искуша, да ю наговори да Вука слуша, па ако лѣпымъ рѣчма до тогъ не може дойћи, а оно да іой мало поиздалѣ и претню Вукову яви.

Гости су ступили къ Милицы, коя се башъ са своіомъ дѣцомъ осимъ Стефана разговорала.

Мара матерь у руку полюби. Тако исто и Ђурађъ.

Милицы су изъ очію сузе рониле. Пало іой на пameть, шта се съ ньомъ стало. Докъ є Царъ у животу био, све є у великой слави примала, сада пакъ нѣга нейма, па као удовица, изгубивши мужевлѣву заштиту, све іой се видѣло, да ю умалително гледаю. И само присутствіе Марино тежко іой є было. Она се у првой мысли сѣтила, да Мара ніе дошла као добро дѣте да ю искренно тѣши, него изъ другогъ узрока, што є она држала за свое пониженѣ.

„Како си сладка мати! та немой плакати; оно што є прошло повратитисе не може; гледаймо одсадъ да опетъ добро буде,“ рекне претворно Мара.

„Лако є теби; алъ шта ћу я са овомъ моіомъ дѣцомъ,“ — одговори крозъ плачъ Царица.

Сва се дѣца узбуде; сви є почну тѣшити.

„Не старай се майко ништа, ту смо іоштъ мы, све ће іоштъ добро быти,“ рече поузданымъ гласомъ

Ђурађъ, коега рѣчи у Милицы двоструко чувство произведу.

Како ће да помысли добро? Ако буде за Бранковића добро, неће быти за ню и нѣну породицу. Када бы се са гордымъ Вукомъ сложити могла безъ уштрба свога, добро бы было, али Вукъ неће да се покори, ни ньой ни нѣномъ сыну.

„Е мое дѣте, како може то добро быти?“

„Та немой мати све на зло да слутишъ.“

„А шта ты Милева радишъ?“

„А што є Милева тако смутна. Шта ми радишъ ты Вуче?“ рекну у єдно доба Ђурађъ и Мара, любећи и по образу гладећи Вука и Милеву.

После разны манѣ важности кућевны распыткиваня, уклоне се одмора ради. О важныма стварма доцніе има се говорити. Мара и Ђурађъ мало доцніе посѣте и Русну, гдѣ іоштъ и калуђера затеку, и о своимъ стварма свойски се договараше.

Стефанъ є быо у околини Крушевца да види да ли се брзо нова войска купи, па се у добро доба вратіо, заедно са Новакомъ. Новакъ, кадъ чуе одъ Патріарха шта Царица намѣрава, ніе се одма разабрати могао.

У цѣломъ двору найвећа забуна владаше. У таковымъ жалостнымъ околностма, кодъ толико себи противны глава, кое се у двору садъ налазе, ніе ни чудо. Свакій є за себе друге планове ковао. Па и на

самымъ служительма познавало се да є господара нестало. Постали су смѣліи, безобразніи. И они су се на партае дѣлили. Царица, одкако є удовица, изгубила є предъ ньима полу свое важности. Да є одъ ньы зависило, за мало бакшиша продали бы были Вуку и дворъ и царство.

Єданъ одъ слугу рекне: „хвала Богу ту є господаръ ђурађъ, быће промѣне, вальда ћемо се опростити одъ женскы лакрдія.“

Другій рекне: „Па и болѣ бы было, већъ намъ се овако досадило. Баръ да хоће и Вукъ дойћи па да све то разчисти.“

Єдапъ Грманъ и Петошко, найискреннїи су были.

Грманъ є увидѣо, да све натражке иде. И како небы онъ увидѣо, кои є видѣо и осѣћао славно доба Душаново, па садъ — све се натражке иде.

„Е мой Петошко — рекне Грманъ — шта ћемо садъ?“

„Шта ћемо? ты ћешъ свирати, а я ћу лудовати, па намъ неће ништа быти.“

„Та немой човече башъ садъ да лудуешъ, говори поне садъ паметно.“

„Шта ћу да ти говоримъ; нисамь ли ти већъ сто путы казао, да ћемо овако пройћи, и садъ ти кажемъ, и одсадъ неће быти добро. Мени є жао доброгъ Цара, алъ не єданпутъ самь му већъ совѣтовао да пази, алъ онъ се само насмѣя.“

„Ако садъ промѣне буде, кога ћешъ се ты онда држати.“

„Стефана ако хоће, єръ є то и право; кадъ ме є нѣговъ отацъ раанiо, но ако ме неће, єръ онъ све мудруе, па будале не трпи, а я онда идемъ онамо ђе више будала има.“

„Я богме волемъ овде умрети, него оставити царску породицу.“

„Но знашъ шта Грмане, тай црвеный калуђеръ ми се не допада, — тай свуда мути, а особито често се врзе около Русне. А знашъ ко є Русна; да може три круне бы Бранковићу на главу метнула. Но морамъ и я мутити, да дознамъ, шта тай калуђеръ ради, па ћу га првомъ приликомъ опарити.“

„Тай мора быти препреденъ, види му се изъ очiю. На све нѣшто са куваркама и служавкама шуруе.“

„Све є нѣшто радъ докучити о Милеви, о Бранковићу; као да є у Милеву залюблѣнъ, но онда — казаћу Милеви, да бы болѣ было да за мене пойђе, него му погледъ поклони. — Видѣо самь га при трпези, како iой пильи у очи.“

„Остави на миру те лакрдiе, но гледаймо шта ће садъ да буде. Нѣшто се све буни, слуге тумараю. Држаћесе совѣтъ или се нови гости изчекую.“

„Неће ли турскiй Царъ у госте.“

„Та не булазни, вальда текъ небы за нѣга пошла Царица.“

„Мой брате, неће онъ Царицу; турцы само младе гледе; та и онако све се говори да Милеву проси.“

„Бога ти, то су плетке. Та ніе полудила да за турчина пойђе, кодъ когъ се небы смѣла ни частнымъ крстомъ прекрстити.“

„Манисе, ђаво не спава, а знашъ какве су женске; покажи имъ само свѣтлость, поредъ кое блистати могу, па є онда све добро.“

„Та кажу, да ће она за Светислава пойћи. Па я да самь Светиславъ, а я знамъ шта бы радіо.“

„Шта — вальда бы се убіо?“

„И ню и себе.“

„Е мой Грмане, остаріо си, па іоштъ тако можешъ говорити. Шта бы се убіяо? Я съ мое стране, ако самь и будала, баръ овде бы био паметанъ. Нашао бы другу.“

„Алъ помысли, да за турчина пойђе? та то свакогъ србина болѣти мора!“

„Али кадъ она хоће? кадъ ню не боле, како ће насъ болѣти? Она се зна. Па заръ ты мыслишъ да бы єдна србкиня пошла за турчина? само да дойђе, али онако каковъ, што 'но кажу честитъ, па бы видѣо.“

Грманъ се и одъ неволѣ насмѣе.

„Та заръ су луде србкинѣ да турцыма иду, кадъ они више жена имаю; та не єданъ съ єдномъ не може да изыѣе на край, па жена не може да се слаже са свекрвомъ, єтрвомъ и заовомъ, а камо ли гдѣ су толике жене.“

„Е мой Грмане, да видишъ тогъ вашара, када се турске жене инатити стану. Кадъ самь био кодъ турака зароблѣнъ, упознао самь се єа єднымъ адумомъ, кои харемъ чува; тай ми є све казывао како се онде живи.“

„Па рецы ми како?“

„То садъ нећу, оставићу за другій путъ, ако се Милева случайно за турчина уда, приповѣдаћу предъ свима гостима.“

„Дакле башъ нећешъ?“

„Садъ нећу.“

Тако се іоштъ дуго кошкали и разговарали, докъ не дойѣе време ручку.

Сви гости нису скупа ручали. Како се кои съ коимъ слагао, тако є у своіой соби съ ньимъ и ручао. Све се єдно одъ другогъ туѣило, све є єдно одъ другогъ зазирало.

Царица са своіомъ породицомъ; Патріархъ са калуѣеры и Новакомъ, Русна са ѣурѣемъ были су заедно. Сви су нѣшто планирали, свакій се на нѣшто преправляо.

Предъ вечеръ сазовесе совѣтъ.

Кои су годъ важніи были, сви су овде учествовали.

Милица представи свое жалостно станѣ, и позове све, да іой буду у помоћи.

Патріархъ замоли Царицу, да бы изявила, шта турцы желе.

Милица имъ све представи, шта іой є Баязитъ поручіо, само што ніе споменула о томъ, да іой є обећао Бранковића покорити.

„Турчинъ — рече Царица — иште Милеву, па дае намъ миръ; обвезуесе да неће на насъ више нападати.“

„Доста жалостно,“ одговори Патріахъ.

„Дакле до тога смо већъ дошли, да се царска србска кћи турчину продае? то нисамь мыслio никадъ доживѣти,“ рекне лютито Новакъ.

„Алъ шта ћешъ да чинишъ када ніе другчіе; видишъ да є све заплашено, войска се слабо купи, а Вукъ оданде опетъ прети,“ примѣти Кострежъ, погледъ свой на Ђурђа бацывшій.

„Мой отацъ не стои са войскомъ као непріятель, него као спаситель. То исто што є майки Царицы одъ турчина поручено, обречено є и момъ отцу, безъ да се Милева има дати. Па ако башъ небы быо миранъ турчинъ, и на насъ бы напао, мой отацъ скупіо є

приличну войску, скупићемо іошть више, па ћемо мејданъ дѣлити,“ примѣти Ђурађъ, комъ се ніе допадало, да се Милева турчину да.

„Зашто дакле твой отацъ да се не повинуе Царичиной власти, него се непріятельски према насъ ставіо?“ запыта Новакъ.

„Мой отацъ вели, да ће онъ све за народъ учинити, само да му се врховна управителска власть допусти донде, докъ се све не уреди, єръ донде, да испусти власть, пао бы своимъ непріятельма у шаке, кои га одавна мрзе, и кои му за зло примаю, што є часть войске после битке спасао.“

„Дакле онъ хоће да прими сву власть у руке, па онда? — да метне себи круну на главу,“ рекне лютито Новакъ.

„Онъ жели, да се одъ двора нѣму противна лица удале, па да се обвеже Царицу вѣрно заштићавати, и ньой повиноватисе.“

„То є опетъ толико, као пріятелѣ Царичине истерати, да се непріятельи угнѣзде. Свѣтла княгинѣ, ты си му жена и морашъ му страну држати, алъ пытай цѣо свѣтъ, па ће ти свакій казати шта жели Вукъ Бранковићъ.“

„Я на мога отца не дамъ ништа рећи,“ рекне разлюћенъ већъ Ђурађъ.

„Ты недай али я хоћу, єръ самь земальскій совѣтникъ, па на нашой души лежи отачбину спасти.“

„Дакле шта ће то да буде?“ запыта Патріархъ.

„Овде є пытанѣ, да ли се има дати Милева турчину и миръ примити или не.“

„Я велимъ не, али да се одма има Бранковићъ повиновати, и свою военну силу ньой предати, и то ономъ одбору, кои садъ овде представля Царичину власть.“

„На то ће Вукъ тежко пристати.“

Садъ се изроди великій инатъ. Патріархъ ій утишаваше да само обшту цѣль предъ очи узму, алъ ніе то могао, єръ Мара изяви, да Вукъ као правый пріятель народа, донде садашню свою силу изъ руку испустити неће, докъ се миръ не укорени.

Стефанъ є дуго ћутао, докле онъ напослѣдку не буде принуђенъ цѣлу ту стварь начисто довести. Онъ є увидѣо, да се Мари не допада ни то, да се Милева турчину да, єръ се бояла да ће онда турчинъ на Вука напасти, а Вукъ и не мысли Царицы покоритисе. Шта се има дакле чинити? Ако се са єдномъ женскомъ земля спасти може, зашто се небы она жертвовала.

„Кадъ є већъ тако, да нити имамо съ наше стране за обрану войске, съ друге пакъ стране Вукъ не попушта, а оно некъ Милева спасе землю. Ты Но-

ваче опрости, єръ земля є преча негъ другій. Има іоштъ србкиня за твогъ Светислава,“ рекне Стефанъ.

„И я то исто судимъ,“ рекне Кострежъ войвода.

„И мы то исто,“ повичу млоги.

Истина, да се већа страна на то приклонила, само Мара и Ђурађъ найвећма се противише.

Патріархъ предвидећи неизбѣжиму пропасть, овако заключи савѣтъ.

„Видимъ, да є народъ између двѣ ватре; ако се Милева неда, турчинъ ће напасти и разорити обезоружану землю, єръ Вукъ неда помоћи нити хоће да се покори.

Дѣцо моя! я самъ као Божій слуга већъ старъ, и чека ме већъ послѣдный данъ. Камо срећа, да є већъ млого пре стигао, да не умремъ у оваковой туги. Богъ насъ каштигуе. Свакояко є зло. Турчинъ ће поредъ Милеве са србльиномъ сродитисе; примѣръ великій мале за собомъ повлачи. Данасъ ће Милева у харемъ и потурчићесе, сутра ће простія србкиня. Данасъ ће се єданъ, а сутра другій србинъ потурчити. Стадо ће Хрістово млоге изгубити овце.

Но послушайте іоштъ послѣдный мой савѣтъ. Ако се миръ мало подкрѣпи, немойте се дати мирнымъ магновенѣмъ занети, но крѣпитесе, мужайтесе и утврдитесе, и недайте да вамъ се туђинъ у унутрашня дѣла мѣша.“

Ово кадъ искаже, и као нѣкій дугъ срцу исплати, смирено се поклони, и после искренногъ му благослова све се разыђе.

Млоги іоштъ нису знали на чему су; но Царица є была начисто. Она є сасвимъ намѣрила Милеву жертвовати. Мара видећи, да то неће по Вука добро быти, одговарала є и ню и Милеву. Но Милева іоштъ врло млада будући на свашта се дала превіяти, па ако се у єдномъ магновеню, подстрекнута съ плачемъ одрицала турчина, и Светислава као у срцу носила, то опетъ ніе дуго траяло, єръ є материне рѣчи слушала. Материна воля є као заповѣсть долазила. Ђурађъ се са Стефаномъ кошкао, и кадкадъ са жешћимъ рѣчма и вређао га. Стефанъ быяше кротакъ, вальда и више негъ што треба. Ђурађъ га не сматраше као сына Цара Лазара, кои є владу наслѣдіо, но као сродника млађегъ, кои ніе ништа више одъ нѣга. Кадъ нестаде Лазара, учинило му се, да є садъ нѣговъ отацъ првый, и да се не може Стефану подвргнути.

И Ђурђу не могаше изъ главе изыћи, шта турцы са таковомъ женидбомъ намѣраваю. Неће ли садъ турцы свою задату рѣчь погазити, и на то ићи, да се Вукъ понизи? У найвећой сумньи быяше онъ и мати. Єръ наштo турчину Вуково пріятельство, кадъ му є довольно Миличино.

Мара видећи, да іой мати при єдномъ остае, почне іой пребацывати, да є срамота кћерь свою да-

ти турчину, но све то ништа не помогне. На послѣдку видећи да ништа овымъ путемъ докучити не може, вратисе у найвећемъ незадовольству скупа са своимъ сыномъ натрагъ.

Русна, примѣтивши, да ю већъ Царица найбольма не гледа, за свагда се одъ двора удали, и отиде у Рудникъ, и онде є нове планове противъ Милице ковала.

Русна и Мару ніе волела, но споля іой се пріятельски показывала. Вука не могаше заборавити, па є нѣговогъ сына трпѣла.

Харалампіе се већъ договоріо съ Руспомъ, да ако іой што узтреба, нѣга може употребити. Дворске и кућевне тайне већъ є све дознао чрезъ ѣкое служавке, а особито чрезъ ону, сбогъ кое прве ноћи малъ ніе страдао.

Патріархъ и нѣгови калуђери опростившесе отиду у манастыръ Жичу.

Сви се већъ разыђу, и само они остану, кои се са Царицомъ у свему слажу.

И тако нѣколико смутны дана пройђе.

Светиславъ є у найвећой борби душе одборъ оставити морао. Онъ небы се могао отдвоити, но на послѣдку морао се отцу повиновати, кои га више ништо ондѣ оставити нехтѣде.

Како се онъ одъ Милеве разстао, може свакій себи лако представити.

Но да видимо шта ће далѣ быти.

Вукъ кадъ одъ Маре и Ђурђа чуе, шта се стало, разяренъ почне све већма войску умножавати, тако, да бы, ако бы га са Милицомъ опріятельивши-се турцы, напали, доволянъ одпоръ дати могао. Сви они, кои су мыслили, да ће турско пріятельство вреда нанети, прешли су Вуку, и тако поредъ свега тога што є Милица мыслила, да є поредъ Турчина сигурна, Вукова є сила све већма растла.

Милица проводећи у бриги свое дане зебећи у срцу чекала є излазакъ цѣле ствари.

Кадъ наеданпутъ опетъ турскій посланикъ дойђе, и то главомъ Юсуфъ.

Онъ є са великомъ свитомъ дошао, да Милеву прими и Султану однесе.

Донео є нове и нове поклоне.

Дуго се бавити ніе хтѣо, єръ му є Султанъ казао, да Милеву што пре довести мора.

Сирота Милева, каково ће веселѣ имати!

Нити кума, нити девера, нити старогъ свата!

Па какви сватови? више турака негъ србаля у двору? рекао бы да се већъ све потурчило. Пунъ Лазаревъ дворъ самы турбана!

Милеву већъ сутра намѣраваю водити.

Донели су іой скупе турске хальине; наките неисказане, єръ Султанъ хоће као туркиню да ю види.

Она є данасъ послѣдныій путъ србкиня!

Кострежъ войвода іоштъ съ нѣкима, — Милевине друге и домаћи славили су Милевино веселѣ.

Звона нису на вѣнчанѣ звонила. А и нашто, да турцыма уши вређа? Та и Милеви ніе већъ то одъ потребе.

Милева сузе рони, но не противи се! жао іой є, алъ є та жалость не задржава. Само брже съ ньомъ, да є та жалость што пре пройђе.

Милева є послѣдньій путъ была у србске хальине обучена. Послѣдньій путъ, и то у найвећой тайности отиде у цркву да се причести, да іой буде све опроштено. Причешће іой се по дрктаюћы усты проспе; вальда ће ю велика незгода стићи.

Тако смутногъ веселя іоштъ ніе никадъ было. Турцыма се особитый ручакъ справи, и особито су ручали. Србльи такође. Милева ніе се више смѣла предъ србиномъ показати. Она є по вольи Юсуфовой само међу женскима се бавила.

Милева са женскима є насамо ручала. Ту бияше плачъ и рыданѣ.

Србльи смутни, текъ по дужности скупесе, да се текъ зове, да се дѣвойка ніе безъ сватова удала.

Турцы, и онако слабоговорльиви, мучали су, єдва чекаюћи, да жертву одвуку.

Така є была свадба кћери последнѣгъ србскогъ Цара.

Дакле ніе нико веселіо дружтво?

Єсть, єданъ Петошко. . . .

(Продужиће се.)

Я. И.

IV.

СРБСКИ СПОМЕНИЦЫ.

ЕКСТРАКТЪ ПРІВІЛЕГІЯ НАРОДУ СРБСКОМЪ ДАРОВАНЫ:

Овай є екстрактъ узетъ изъ списка єдногъ, кои є Попъ Сума Радивоевићъ Парохъ Сечуйскій за себе преписао, и на првой страни првога листа овако стои написано: „Сїи Єзтрактъ Попа Симеѡна радивоєвича, писасѧ Ѣлето 1743. Мц̑а декембра 3. дн̑ ѵ сечѵю.“ Овай се списакъ находи у рукама Г. Коларовића трг. у Рац-Алмашу кои є имао доброту уступити га овомъ учредничеству, да се изъ нѣга слѣдующій екстрактъ за Лѣтописъ испише.

Є ѯ т р а к т ъ.

Пѹнктамь и́ли статиамъ Привилегиски́мъ и́коже персонованїа Веществителнїи, Сице дарователнїа, Чѧтнейшемѹ гре́ческаго Закона Клерѹ, всемѹже Сла́вномѹ Народѹ Иллирико расцїанскомѹ чрезъ бл҃женнїе и҃ногдашнїе римскїе императори: Леопольда 1690. 1691. 1695. Милосрднейше и҃здатимь, Іосифомже: тожде 1706: и Кароломъ 1713, и 1715: Славнейшаго вспоминанїа, такожде римскихъ императорей, найпаче же н҃ы́нѣ владеющимъ Кралевскимъ Ве́личествомь Марїею Терезїи лета Сего текѹщаго: 1743. Мѧтивейше потвержденними, и чрезъ Славнїа Ка́нцелярїи таино дворнїа воинственнїа, и кралевскїа Ѹнга́рскїа, издатїа напонизнейшаа прошенїа; блаженнейшаго Патрїа́рха, митрополита, и архї епк҃па, Арсенїа Іоановїча; всегоже кле́ра и народа гре́ческаго За́кона чрезь последѹющїа депѹтиртїи, и полномоцники́и; именемъ всего рода Сербскаго, на сїе шпециалитеръ нареженними: Симъ Павломъ Ненадовичемъ, Е҃пкѹпомъ Карлацаскимъ, и патрїаршерскимъ генералъ Викаремъ: Іоаномъ Геѡ́ргїевичемъ архїидїа҃кономъ; патрїаршескимъ; Арсенїемъ Вѹи-

чемъ шберстлаитнантомъ кралѣвскимъ, изъ краинїи потискїе, Андреемъ Андреевичемъ кралѣвскимъ Постъ-фрволтеромъ варадинскимъ, и доминишна ѹфслинскаго, карловачкаго администратора исходаиствованними издатъ:

Книга привелегїскаа, Леополдова, чрезъ инъгїмъ ѹ дворнѹю Канцеларїю лѣта 1690. издатаа, садржитъ последѹюцїа:

Леополд и прочаа:

I. Ѡбецiаваемъ всемъ вамъ Предреченнимъ Народомъ и профинцiамъ нашимъ, тко Цр҃ю: ѹнгарїи, праведно подложеннимъ, и поставленїамъ подложителнимъ, садержавше, наипаче бл҃гочастїа своего, избранїа воиводъ свободность и привелегїи и̑ правдїи, и изатїе всакои̑ теготи, шбцїа и̑ даннодаанїа, разве такмо древни̑, и шбични̑ прежде всакаго тврецкаго вахожденїа, цр҃еи и г҃дареи правицъ изврг҃ше, такожде изни̑ всакое злое ѹпотребленїе, чрезъ г҃дство тврецкое ванешное, тачїю вападежи требованїа ратовъ, ванихже за ваше собственное сп҃енїе изаствплениє ѡ̑разомъ твнѣ подаанїа, возможностїи потребнѹю помощь приволите, єгоже наши по́лци садержатисе могѹть, заствпитисе провинцїи и̑ те-

готи воинскїе вазнестисе, поизбитиюже ига тꙋрецкаго вса нашбразъ непоколебими, и̑ чинъ приличнїи за бꙋдꙋщее нажеланїе и̑ довлетворенїе ваше ꙋстроимъ, и̑ всакомꙋ правици свом свободность бл҃гочастїа привелегїи и̑ ѡ̑свобожденїи возвративше всемь и̑ ѡ̑собитим правдꙋ сотворимъ, вемже бл҃годетїи добродеанїи и̑ ѡ̑тическаго нашего застꙋпленїа и̑зобилꙋюцїа доводи вазданше:

2. Къ семꙋ єщє ѡ̑бещаваемъ, дарꙋемъ и̑ допꙋщаемъ всемъ и̑ѡ̑собитимъ Ѳвободное именїи стежанїе, ꙗко движимы҃, тако и недвижимихъ, каковаливо ѿ тꙋрковъ намрежахъ сво҃ и ѿимꙋтъ.

3. Того ра́ди сатворите, заб҃га заблгочастїе, засвободность, за безбедности ваша и̑справленїе, безбоазнено канамъ приступите, ѡ̑тачаство Ваше, иделанїе нивъ неѡ̑ставлаите, клеврети ваше напоследованїе стопь ваши҃, призивайте и̑ поводъ ѿ е҃га, и̑ на҃ предати Вамъ и̑ никогда вишше не вазвращаемїи вазимаите, а҃ще Вамъ а҃ще с҃номъ Вашимъ, а҃ще вазлюбленномꙋ ѡ̑тача҃твꙋ нашемꙋ, испенїю помошествовати васхощете, єгда Вамъ: Вапросъ: ѡ̑кр҃ꙋжно и ѡ̑собливо мл҃ть нашꙋ цесарскꙋю и кралѣвскꙋю гасно пре҃носимъ.

Привелегїа вторая Леополдова, чрезъ Канцелярїю, Кралевскую Унгарскую дворнюю:

Лета 1691. имать послѣдующїа:

4. Неточїю изпонизнїа намь книги всѣ Васъ именемъ чрезъ посланнаго кнамь Епкопа иєнополскаго, исаию диакковича: но иглаголнаго тогождє предложенїа, паєнеише премѣтивє, васприахомь понизное, благодареніе Ваше, понѣже Васъ отгорганїи варварскаго, турецкаго тиранства истергненихъ капервои возвратихомъ, свободе обѣщанїеже вечное имже намь затоликаго блгодеянїа, показанїе обвязавшесе ви и потомцїи ваши обѣщаваетесе оубодлжностїю вашею, нашимже вещшимъ довлетворенїемъ, да познавше правду нашу, васъ знамедра мѣти и блгодати нашеа мко гдара, и цра вашего истиннаго подложившесе подсенемь защищенїа нашего вабудущее живети вамь и умирати похвалною дши крепостїю известите:

5. Егоже намь зело васпрiатаго свидителства и показанїа вашего спризренїемь, васъ всѣ и обновливи казаступленїе наше цесарокралѣвское милостивейше, неточїю васприимемь, но найвише давелехвалное намеренїе да сердацъ вашихъ пристежете и сномь (ва-

шимь) вечно известите вавсѣ стицанихъ вещественними доводамїи вещше и вещше савтврдите:

6. Ипа́ки даю́рвжїи противѹ противнейшемѹ хр̃тїанскаго имене сѹпостатѹ и прогонителю вашемѹ поднашимъ ѹреждєнїемь, и воиводъ нашїй̃ расположєнїемъ вазмете и прожените неправдїи, тѹги и беди вамь злочестивейше и жесточайше доселе принесенїи ѡ́тацескїи ѹвещаваемъ:

7. Паки датиҳость и сладость державїи и властїи нашеа исконїи щежете прошенїемъ вашимъ бл̃гоговенїемъ намъ природнимь изволивше милостивейше ѹставиҳомь:

8. Давастоҵнїа цр̃кви греческаго закона, по ѡ́бичаю и правилѹ древнаго мц̃ослова, свободно садржаватисе, и ѥко доселе, тако и вавѹдѹщее, ѿ никаковихъ цр̃квнихъ или мирскихъ сѹдатовъ ниединое имѣсте досажденїе:

9. И свободно давамъ бѹдетъ между вами изсобственнїа властїи ѿ народа и ѩзика рацинскаго поставити Архи Вп̃кпа, єгоже сѹдатъ цр̃ковнїй и мирскїй между собою изберетъ.

10. Тойже Архиеп̃кпъ вашъ свободнѹю да имать вла́сть ѹреждати савсеми васточнимїи, греческаго закона цр̃квамїи Вп̃кпи посвещати:

11. Сщ̃енники ваманастирехъ ѹчиновлати:

12. Цр҃кви идеже бѹдетъ потреба собственною власти́ю сазидати:

13. По всехъ и селехъ раціанскіи҃ Сѹ҃енники поставлѧти:

14. Словомъ ѩкоже доселе греческаго закона цр҃квамъ, и тогожде чина а҃бществѹ да предстательствовати҃и вазможетъ:

15. Изсобственаго достоинства цр҃квнаго, крепостїю привелегїи, т҃предъ наслѣдниковъ нашихъ блаже҃нопочившихъ, иногда ѵнгарїи цр҃и, вамъ преданихъ повсеи греції, расції, болгарїи, далмаци, босне, ѥнополи, и ерьцеговине, такожде и ва ѵнгарїи и хорватской мисїи иллириже, идеже н҃къ стоятъ, и поликѹ и дондеже намъ вси и а҃собливи вернїи, и подрѹчнїи бѹдѹтъ, власти ѵрежденїа подарѹютсѧ:

16. Чиномъ є҃ще Сѹ҃еннимъ, ѩкоже архїи е҃пкпѹ, е҃пкѹпомъ, монахомъ, и всакаго рода, Сѹ҃енникомъ греческаго закона, ваманастирехъ, и цр҃квахъ да ѡ҃станетъ собственная власть ѵреждати:

17. Та́ко ѩко да ничтоже вапредъ реченнихъ монастирехъ цр҃квахъ и резиденціяхъ вашихъ насилїе творити вазможетъ:

18. Но вадесетце҃ даннодаанїа҃, и квартирехъ древнимъ свобожденїемъ да радѹютсѧ, ниже надъ цр҃квнимъ чиномъ кто т҃мирскихъ кроме насъ власти даиматъ арестовати или затворити кого:

19. Но архи ѣпкпъ таковїи ѡ̀ немъ висещїи цр-ковникїи, иже подъ казнїй впадѹтъ, сѹдомъ цр̃кв-нимъ или канонскимъ наказати можетъ:

20. Совносимъ такожде и сѹтвръждаемъ, за-кона греческаго цркви, монастири и касимъ прилє-жащїа, такоже и а́рхи ѣпкпа, и ѣпкповъ именїа, ка-ковалико ѡ̀на бѹдѹтъ, посавношенїю предъ наслѣдни-ковъ нашѝ притежателнаа:

21. Которїяже цр̃кви хр̃тїанскаго имене, сѹпо-статъ тѹрчинъ вамъ ѿ̀лъ, и таажде паки при-своивше, варѹки ваше, возвратити заповедати бѹдемъ:

22. Архїѣпкпѹ паки, или ѣпкпомъ вашимъ, єгда потреба бѹдетъ, монастири и цр̃кви вавсєхъ или селехъ посетити, или парохїалнїи ѳ̀ц̃енникїи, и ѡ̀пщество навчити и ѿ̀никого досажденїе наносити имъ, тако цр̃квнаго нако мирскаго недопѹстимъ:

23. Потащимсе паки по всей вазможности вса-кимъ настоанїемъ єже чрезъ победителнаа ѡ̀рѹжїа на́ша помощїю бж̃їею, реченїй народъ расцїанскїй, что скорейше ваземлю или ѡ̀биталища, прежде притежан-наа, и ѿ̀знова вавести, и сѹпостати ѿ̀ѡ̀нѹдѹ моши вазвратити.

24. Хощемъ ѹбо да подъ ѹправленїемъ, и рас-положенїемъ собственнаго магистрата, тойже народъ расцїанскїй пребивающъ, старими привелегїямїи то-

мѹжде ѿ величества нашего милостиво преданними ѿбычаймїи єго несмѹщенно жити можетъ:

25. Саверхѹ того ѿбещаваемъ и ватомъ, аще ѿ нѝ греческаго закона лишаесе породовъ и сродниковъ, кто преставитсе, ѿ сего времене такови ѿстанокъ на архиепкпа и цр҃квъ неинако, аще архиепкпъ, и епкпъ коилибо преставитсе, и такови ѿстанокъ всакїй, на архиепкпїю прибавитсе.

26. Апосемъ да всакъ ѿ архїепкпа, якоже гла́ве своей цр҃квней, тако ва҃дхвних҃, яко вамирских҃, да виситъ милостивейше хощемъ и повелеваемъ:

27. Которое дарователнейшее, и милостивнейшее допѹщенїе наше да всаким҃ тащанїетъ и крепостїю заслѹжити верность и подрѹчность ваш҃ непоколебимо всегда сахраните, никаковою бѹрею ваѕвратителнѹ, доблественне ѹповаемъ, ва прочемъ вамъ ѿкрѹжно и ѿсобливо мт҃ь нашѹ цесарскѹю благодетелнейше сабтверждаемъ:

Привелегїа третаа такожде Леополдова, чрезъ Канцелярїю тожде ѹнгарскѹю дворнѹю лета 1695. издатаа; садржитъ сїа:

28. Милостива ѹставихомъ, да и реченномѹ архиепкпѹ древнее достоинство, и епкпи своего за-

кона возводити власть; ꙗко емꙋ поправде и ѡ҃бичаю своего закона надлежащаго: целаа да ѡ҃станетъ, и поставленїи чрезъ его є҃пкпи, знаменователноже почтнїи: Ісаиꙗ Диковичь: темишварскїй, ѥнопол-
скїй; и архимандритъ монастира крꙋшедолскаго: Стефанъ Метохїицъ Карловачкїй и Зринополскїй, Вꙋкаимїй Сегединскїй, Вꙋкаимїй Поповичъ вꙋдимскїй и столнобелградскїй; Вꙋкаимїй тетовецъ Мꙋхачкїй и сегетскїй, Спиридонъ Штибица Вершачкїй, и Ефремъ Генанинъ Варадинскїй и Бгарскїи I ижже ꙋбо ми крепостїю и вазджржати сꙋдихомъ: по знаменованимъ имъ диштриктомъ, кой ꙋбо числомъ надлежащимъ расцїанїи или сербскїи люди ѡ҃ тꙋрскаго, ꙗкоже речено бисть, порабощенїꙗ ига ва нашꙋ подрꙋчность приатїи домочадїꙗ ꙗже саволею Савета на́шего дворновоинственнаго седоша и вместишасе, а҃ховнаа своа правила несмꙋщенно ѡ҃бслꙋживати, виновнїа исправлати, и поделомъ ихъ казнити, ꙋрокїи и приходїи ц҃рковнїа себе по законꙋ и древнемꙋ ѡ҃бичаю надлежащїа васприматїи:

29. Народже весъ вагрaдехъ весе҃ межꙋ држава҃ нашꙋ҃, вместо ꙋбо васпоменꙋтаго Савета нашего дворновоинственнаго преданїа допꙋщенїемъ, гделибо намещенъ єсть, свободнимъ своего Закона и преданїа правиломъ безъ всакїе боазнїи погибели, телаже или именїй пагꙋбїи наслаждатисе, првей-
шимже и ꙋже древлѣ крепостїю Маꙗїа Ц҃ра декрета

петаго, аркикѵла третиаго: И Владислава Цр҃а декрета фтораго, артикѵла последнаго, имже допѵщеніемъ десетковъ свобожденіемъ ѵпотребллтїи и веселитисе вазможетъ.

30. Иже десеткїи самъ народъ за своего закона в҃пковъ препитаніе и приходи безприпетїи, наединн҃ѣ противѵ стоящихъ Прелатовъ, или камаралскн҃ѣ саслѵжителей, да ѿвратить и прилепитъ:

31. Того ради верностемъ вашимъ вишереченимъ всемъ и҃ сам҃ѣбщебливимъ, чиномъ сеи книги, крепко повелевающе, милостиво пр҃едаемъ и заповедаемъ, чтобїи єгда и когда и колици, ѿ҃ васпоменѵтн҃ѣ, архиепкахъ, и҃ е҃пковъ, преднареженнихъ, ѿ҃ прежде реченнихъ ку҃пно и҃ли раздѣлно вазищени бѵдете и противѵ коимлибо неправедним҃ъ и насилователним҃ъ противником҃ъ, метежникомъ, и тшетворителѣмъ, вщмїи ꙗкоже приносите стоящимїи призирати зацищати и застѵпати, и вапредреченнн҃ѣ подароваиїихъ наш҃ѣ и допѵщеніихъ, сохранити и рѵкодржати всякими ѿ҃рази вамъ настоитъ и длжанствѵете, достоинствомъ нашимъ Цр҃скимъ, вамъ всей части чрезъ нас҃ъ полнопѵщеним и предатим҃ъ, правициже и правдїи средствїемъ инако несатворше:

Привелегїя защитїтелная, чрезъ Канцелярїю дворновоинственнꙋю лета 1743. издатая сице гласитъ:

32. Всемъ и всакомꙋ генералꙋ нашемъ, местодржателю фелтмаршаломъ, генераломъ коничнимъ, верховнимъ стрелцанїя ѿгнѣнаго, приставникомъ, и проча и прочая,

Вамъ више реченнимъ всемъ, и ѿ васъ ѿсобнимъ чиномъ сея книги крепко повелевающе, приварꙋчаемъ, и заповедаемъ да сада предьпоменꙋтаго: Арсенїя Іѡановича, патрїарха, Митрополита, и архїепкпа: епкпи, и инїя сщенникїи, монахїи, и мирскїя, коеголибо степене, и качества восточнїя цркве, греческаго закона люди, ваградехъ, весехъ, пределехъ, краинахъ, и вадржавахъ нашихъ вамещенїи, вавсехже и всакихъ ихъ привелегиахъ, свободностехъ, допꙋщенїяхъ, и прерогативахъ, милости подарованїяхъ, и правдою ꙋже искꙋшенихъ и потвержденихъ рꙋкодржати и сахранати даведаете, и ватехже, Покойно и кроме всакїе тежестїй препетїя, и досажденїя ꙋпотребляти, наслаждати и радоватисе дадопꙋстите, пачеже прстивъ всехъ ѿнехъ, нихъ насилнихъ запинателѣхъ, досатителѣ, и тщетворителѣ толижди елижди, ѿ предъ реченнаго архи епкпа и емꙋ подчиненихъ прошенїи кꙋдете, или ѿ вашихъ, кои прошенъ

бѹдетъ, и донеле народъ сей и людіи расцїанскіи ванепоколебимой къ намъ, а҃вгѹстнейшемъ домѹ нашемѹ верностіи и покорностіи пребѹдетъ, защищати ихранити всякими о҃брази даимате идлжанствѹете, ниже противѹ и҃ садержанїа коимъ либо начиномъ напатствовати, ни садѣлати допѹщайте.

Потвржденїа паки чрезъ Канцелярїю Кралевскѹю ѹнгарскодворнѹю лета 1743.

издатого садржанїе есть сѝцевое:

33. Сего ра́ди всемъ и҃ѡ҃собитимъ нашимъ вернимъ толикоши васпоменѹтаго: Кралевства нашего ѹнгарїи истранахъ ей прибавленїи, чиномъ и саномъ цр҃квнимъ, такожде и мирскимъ кралѣвства жителѣмъ и слѹжителѣмъ, поданимже нашимъ, коеголибо стата степене чествованїа достоинства, и превасходителства, или преимѹщества повсѣдѹ нарежденимъ и стоѧщимъ сеа книги редомъ, крепко повелевающе превардчаемъ и заповедаемъ: такоже многаждіи васпоменѹтаго Патрїарха, Митрополита и архїепк҃па, арсенїа и ѡановића народже и людство расцїанскіи, и сербскіи вса предреченнїа привїлегіи прерогативи подарованїа, мл҃ти и допѹщенїа, правдіи свободности, донеле люди сіи расцїанскіи и сербскіи ванепоколебимой кнамъ, и авгѹстнейшемѹ до-

мѹ нашемѹ аѹстрискомъ, верностїи и покорностїи пребѹдетъ, покойно и кроме всакїе тежестїи и препятїи ѹпотребляатїи, имїи наслаждатисе, радоватисе и владетїи даизволетъ, ватехже такожде, противѹ техъ и ѡнехъ и же аще которїи изъ ѹзрока клаѹзѹли потверженїа привелегискаго, дна 29. Септмра лета 1706. ѿ вишепоменѹтаго вазлюблѣннаго г҃дина Отрїа Нашего: издатїа, якоже изъ Садржанїа тоа лѹчше разѹмеетсе, зде сахраняюще врхѹ того намъ полнѹю власть вавазвращенномѹ: Кѹдѹщемѹ, помощїю божїею, и вапредъ речення расцїановъ, и ѝнихъ вернихъ подложни соединѣнимъ тащаніемъ речennомѹ кралѣствѹ нашемѹ ѹнгарїи, и профинцїямъ напределехъ сѹщимъ, желателномѹ почиванїю тажде дарованїа, преимѹщества, и привелегїи вавѹдѹщее протлковати, валѹчшїй покачествѹ времене ѡбразъ ѹстроити и прочаа: сада поменѹтїа клаѹзѹли неисправаго тлкованїа; предреченномѹ народѹ илюдемъ расцианскимъ, никаа препетствїа ѹзроковалики, дарѹкодржатъ изаствпаютъ, ничтоже противѹ ѝ садржанїю подъ правителнимъ наказанїемъ и немл҃тїю нашею, нападствѹюще или твореще, или ѿ ини нападствовати сатворисе недопѹщайте:

Маріа Тхересіа:

V.

НАРОДНА ПРИПОВЪДКА.

ДЕВЕТОГЛАВА АЖДАЯ.

Имао є єданъ човекъ двое дѣце, єдно мужско по имену Гвозденъ, и єдно женско, кое се Мрђана зваше. Онъ бияше удовъ, те га се наврзе єдна удовица, коя съ првымъ мужемъ своимъ не имаше порода, да є узме, „па ће, вели, твоя дѣца кодъ мене и наранѣна, и опрана, и одѣвена, као кодъ свое рођене матере быти.“ И тако говораше данасъ, па сутра, па донде, докле га не преврну, те є узме за жену, и вѣнчаюсе. Жена првы дана почне лѣпымъ около дѣце, а кадъ прође нѣко време, а она ее изузме и на дѣцу и на мужа, даню све злымъ те горимъ на дѣцу, а у вече, кадъ мужъ дође кући съ посла уморанъ, почне нѣму панькати, мрнђати и преговарати, како она поредъ нѣгове неваляле дѣце ништа своегъ посла радити не може, и како себе єде и грызе, и да они поредъ толике муке и труда ништъ имати неће, и да ће ій дѣца дотерати до просячка штапа, и ово и оно, те

тако панькаюћи наговори мужа, да одведе и заведе дѣцу у шуму, и тамо ій остави, не бы ли се дѣце опростили. У очи оногъ дана, кадъ ће водити човекъ дѣцу у шуму, чую дѣца, како се отацъ съ маћіомъ разговараше, да ій заведе и остави у шуми, те се они међу собомъ договоре, да понесу у нѣдры пепела, па да путемъ пепео просыпаю и начине трагъ, коимъ ће, кадъ ій отацъ у шуми остави, умети кући дойћи. Сутра данъ спреми се човекъ, да иде у шуму, па рекне дѣцы: „Айдте дѣцо самномъ у шуму, вы ћете купити сувади, а я ћу дрва сѣћи, па ћемо кући донети, да вамъ мати съ дрвы пећь ужари, и пече погачу.“ Айд' дѣца съ отцемъ у шуму; те чимъ у шуму кораче почну изъ нѣдара пепео просыпати и просыпаше га, докле сѣли нису, да се одмараю. На ономъ истомъ мѣсту и ручаю, па по ручку рекне отацъ дѣцы: „вы дѣцо садъ сѣдите па се мало одморите, а я идемъ у шуму далѣ тражити сувы дрва да насѣчемъ, па кадъ насѣчемъ, я ћу доћи, те васъ пробудити, да и сувади накупимо, па ћемо съ дрвы кући лагано.“ Легну дѣца спавати, и спаваше онако уморена позадуго. А отацъ окренесе другимъ путемъ, па айд' крозъ шуму натрагъ кући мыслећи, да му дѣца никадъ више кући дойћи неће. Дѣца кадъ се пробуде, стану по шуми викати: „Отацъ! о отацъ!“ Но кадъ имъ се отацъ ни одкуда не одзываше, тврдо увѣресе, да ій є хотимице онде у шуми оставіо, и

кући отишао, те се и они пепелявымъ путемъ крену кући, па дойђу пре отца свога. Кадь отацъ у кућу, ал' има шта и видѣти. Дѣца пре нѣга кодъ куће. Сутра данъ оде отацъ на посао, а жена остала съ дѣцомъ кодъ куће, па око ньи лѣпо, и искуша ій, како су изъ шуме кући пепелявымъ трагомъ дошла. Пройђе томе нѣколико дана, опетъ се маћіа съ отцемъ договори, да сутра данъ дѣцу у шуму води, и пепео сакрые. Сутра данъ пре него што ће пойћи дѣца потраже пепела, но не нађу, а они понесу мекиня, те съ мекиняма пойђу на путъ, и они трагъ исто онако као и съ пепеломъ чинише. Кадъ ій добро у шуму заведе, сѣдне отацъ съ дѣцомъ и руча, па онда рекне: „Вы дѣцо садъ лезите па се мало одморите, а я идемъ у шуму тражити сувы дрва да насѣчемъ, па кадъ насѣчемъ, я ћу дойћи, па ћу васъ пробудити, да и сувади накупимо, те ћемо съ дрвы кући лагано.“ Легну дѣца да се одморе, у томъ и заспе, а отацъ около, па айд' крозъ шуму и кући дойђе. Кадъ се оно двое пробуде, опетъ стану викати по шуми: „о отацъ! о отацъ!“ Но отца никако дозвати. Они опетъ пойђу кући сами трагомъ, кои су одъ мекиня правили, и дойђу донекле, па онда далѣ не могоше, єръ зверынѣ поело мекинѣ, и тако трагъ изгубе. Онай данъ тражише васданъ по шуми пута, како бы изъ шуме изыћи и кући дойћи могли, и што они мыслише, да су ближе краю, то сѐ далѣ у шуму заилазише. Онай данъ

пройђе и настане ноћь, те подъ еднымъ дрветомъ ноће, а сутра данъ кадъ сване, они опетъ почну по шуми тражити пута, како бы се кући повратили. Но не могоше га наћи. Найпосле нађу єдно мѣсто, кое имъ се за стаянѣ допадне, и на томъ мѣсту оплету мало колебе, и блатомъ улѣпе, па ће у ньой живити. Съ почетка су купили по шуми дивіе воће, и копали изъ землѣ коекакво коренѣ, и то имъ є была раана. А кадъ Гвозденъ мало одяча, почне птице у шуми ловити, те су се со тимъ ранили. Єданъ данъ пойђе Гвозденъ раніе у шуму, и наиђе на курячіе лежае. У лежаю курячићи шкомуђу сами, нити ту куряка ни курячице. Узме Гвозденъ куряче єдно и однесе га у колебу, да га раани, и одраани га. Кадъ є куряче ояча-ло упутисе съ Гвозденомъ заедно по шуми звѣрадь ловити. Друге године наиђе Гвозденъ на лавичино лежае, те нађе у нѣму мале лавиће, ди шкомуђу безъ лава и лавице. Онъ узме єдно лавче, и однесе га у колебу, те га одраани велика. И одъ тогъ доба увѣкъ є съ курякомъ и лавомъ по шуми ходіо и другу звѣрадь ловіо. Треће године наиђе Гвозденъ на медвеђіе лежае, и нађе у нѣму саму медвѣдчадь безъ медвѣда и медвѣдице, те узме єдно медвѣдчѣ па га однесе у колебу, и одраани га. После тога Гвозденъ є увѣкъ по шуми са своя три звѣра курякомъ, лавомъ и медвѣдомъ звѣринѣ ловіо, те є звѣринѣ у варошь по сестри своіой Мрђани шиляо, да ій прода, и за новце хлѣба,

и другы потребны, за раану покућство и одѣло, стварій купи. Єдаредъ крене се Гвозденъ са своы звѣровы на више дана у шуму у ловъ, и трећій данъ стигне до єдногъ лѣпогъ великогъ двора. Уђе унутра у єдну собу, соба праздна нигдѣ никогъ нейма, уђе у другу, праздна и друга, па и трећа, па и четврта, па и пета, па и шеста, па и седма, па и осма, па и девета, кадъ онъ у собу десету: ал' тамо стои єданъ псоглавъ за єданъ великій гвозденый стубъ на ланцу припетъ, и савъ одъ пете до грла у гвожђе окованъ. Предъ ньимъ, али на далеко одъ нѣга стаяше пуна чаша віна тако; да є не може псоглавъ дохватити. Чимъ Гвозденъ то види, затвори собу, и пройђе опетъ наново крозъ оны деветъ соба, собе су све лѣпе и чисте, посуђе є у ньима, ту кревети, астали, столице, и савъ кућный намештай лѣпъ да неможе быти лѣпшій. Преноћи онъ ту єдну ноћь, преноћи другу, па и трећу, и кадъ види, да башъ нигдѣ никогъ нейма, рекне у себи: „Овай ће дворъ за мене и мою сестру Мрђану врло добаръ быти:“ оде по сестру, и доведе є, те се у нѣга сасвимъ смѣсте и у нѣму стане. Гвозденъ, кадъ бы годь у шуму у ловъ полазіо, увѣкъ бы сестри Мрђани говоріо: „Ходай сестро по свима собама, само у десету не улази, не шалисе своіомъ главомъ.“ И она га съ почетка у томъ слушаше. Кадъ єдномъ почне она мыслити: „шта то мора быти у той соби, кадъ мене братъ свакій путъ,

кадъ пойђе опоминѣ и учи, да у ню не идемъ, дай да я видимъ, шта у той соби има.“ Ово рекне, па отвори врата да уђе у собу, но чимъ спази псоглава на ланцу везана, уплашисе, лупи съ враты, па бѣжъ изъ собе на полѣ. А псоглавъ почне є дозывати: „Не бѣжи! не бойсе!“ и ово и оно. Сутра данъ опетъ Мрђана у десету собу уђе, те се спозна са псоглавомъ, и по маломъ времену, договоресе, да заедно живе. Псоглавъ рекне Мрђани: „Заишти ты одъ твогъ брата звѣрадь, рецы да те є нѣшто страхъ быти самой у двору, а онъ ће отиђи самъ у шуму у ловъ, да лови звѣринѣ, ты ћешъ ми тада додати ову чашу съ віномъ, па чимъ я віно испіемъ одма ће на мени ови окови попуцати, и съ мене попадати. Те ћу я отиђи за њимъ у шуму, и убити га, па ћемо мы насъ двое по вольи овде живити.“ Овако и учине. У вече, кадъ братъ дойђе куђи, а сестра Мрђана око брата свога стане се умилявати, и молити га, да іой звѣрадь остави у двору, „мене є вели нѣкій страхъ напопао, кадъ самъ сама.“ Гвозденъ іой рекне: „а да ты ниси узао часъ у десету собу улазила, те те є може быти страхъ остати у двору самой.“ А Мрђана почне клетисе: „Нисамъ брате, моы ми очію никадъ ни помыслила на десету собу.“ Сутра данъ Гвозденъ узме стрѣлу собомъ, а звѣрадь остави у двору кодъ сестре, па оде у ловъ у шуму. Мрђана узме звериньѣ те у пету собу затвори, и врата свудъ позаключава,

па се крозъ прозоръ десете собе къ псоглаву око полдне провуче, те му дода чашу съ віномъ. Чимъ онъ віно изъ чаше испіе, а то одма гвоздени окови на нѣму попуцаю, и онъ се окова опрости, па айд' у шуму за Гвозденомъ, и нађе га подъ єднымъ гловцемъ. Псоглавъ како дойђе рекне Гвоздену: „Дай море говори, каквомъ ћешъ смрти, да те уморимъ, єръ садъ погинути морашъ.“ Гвозденъ: „Я да є на мою волю, не бы радъ быо до Божіе волѣ ни єдномъ смрти погинути: али кадъ є за моранѣ, а ты молимъ те причекай ме мало, докъ се Богу помолимъ, па онда ме мори, каквомъ ти драго смрти.“ То му псоглавъ допусти. А Гвозденъ клекне на землю па рекне: „Помоз' Боже и Майко Божія! садъ я никадъ да погубимъ врага,“ па трипутъ свою звѣрадь по имену викне. Кадъ звѣрадь гласъ свога газде чую, а они удри собомъ о врата, сваколика врата полупаю, и у тилый часакъ у шуму до нѣга долете. Чимъ звѣрадь къ нѣму, а онъ знакъ даде да псоглава счепаю. Те тако ти счепаше звѣрадь псоглава, а псоглавъ ньи, боришесе читава три сата, и напослѣдку клоне псоглавъ, и Гвозденъ му одсѣче главу, а звѣрадь га свега на комаде раскидаю. Гвозденъ се после тога врати са звѣрадма у дворъ, па сестру изведе изъ двора те іой обадва ока извади и рекне: „Иди Мрђана у шуму те потражи псоглава свога, кадъ волешъ съ ньимъ негъ съ братомъ живити.“ Ово рекне и остави

дворе, и оде са своы звѣровы у другій вилаетъ. У томъ вилаету дойђе у цареву варошь. Близу те вароши быяше єдно єзеро, и у єзеру живляше єдна аждая са деветъ глава, те іой сваке године морадоше давати по єдну дѣвойку да є поеде. У оно времо дошао бяше редъ на цареву кћерь, и царъ огласи по свой царевини своіой: „кои бы аждаю убіо и нѣгову кћерь опростіо, дао бы му кћерь за любу, и нузъ кћерь полакъ свое царевине.“ Оде Гвозденъ цару, и каже, да ће онъ погубити аждаю. Разнесе се тай гласъ по цѣлой царевини, како ће єданъ момакъ кои є дошао изъ свѣта, са своя три звѣра погубити аждаю. Кадъ є дошао данъ у кои ће аждая изъ єзера изыћи, силный се народъ скупи, ал' ће изъ далека да гледи то чудо, єръ не смѣде нико близу да се укаже одъ велика страха. Дойђе къ єзеру царева кћи, и рекне Гвоздену: „Иди ты брайко далѣ одатле, кадъ я већъ морамъ изгубити главу, зашто да ты гинешъ улудо!“ А Гвозденъ іой рекне: „Видићешъ ако Богъ да, ко ће изгубити главу я? или аждая?“ Но међутимъ докъ се вода не залюля дед' ме мало поишти по перчину.“ Сѣдне царева кћи доле на траву, а Гвозденъ до нѣ, и метне іой главу на крыло, а звѣрови полежу око ньи. Поискаюћи кћи царева Гвоздена, Гвозденъ заспи. У томе се вода задрма, и аждая дизати пойђе. А она одъ страха не може да буди Гвоздена, него почне плакати, и суза іой кане Гвоздену на образъ,

те се онъ пробуди. Кадъ онъ погледа къ єзеру, има шта и видѣти, скоро сва аждая изъ воде да изыђе. Гвозденъ заповѣди царевой кћери да се одъ єзера удали, па са своы звѣровы на аждаю навали па држ' недай, па држ' недай, тако су се борили пуна три сата, и аждая малакше. Гвозденъ замлата сабљомъ по аждаи, и одсѣче іой сви деветъ глава, брже повади изъ глава єзыке, и помеће себи у џепове, да нитко то ни спазити ніе могао. Па онда рекне царевой кћери, да иде кући, и каже цару отцу своме, да се више не бои аждае, а онъ ће докъ се мало са своы звѣровы одмори дойћи. Оде царева кћи и отцу каже, како є Гвозденъ са своы звѣровы аждаю погубіо, и да ће докъ се одмори дойћи. Гвозденъ, како є легао, одма заспи као мртавъ са своы звѣровы. А то све гледаше єданъ циганинъ, кои є најближе къ єзеру на єдномъ дрвету стояо, те брже дойђе, одсѣче Гвоздепу гдаву, па скупи главе аждае, те управо цару однесе у дворъ, да га съ кћери царевомъ вѣнчаю, хвалећи се, како є онь аждаю погубіо. Каже царева кћи, да то ніе онай, кои є аждаю погубіо, и да онай има своя три звѣра. Али ніе кудъ камо. Циганинъ донесе главе одъ аждае, царева се не пориче, те тако вѣнчаю цареву кћерь съ циганиномъ и учине свадбу и веселѣ. Овамо при єзеру, кадъ се звѣрадь пробуди и види одсѣчену главу, а они главу и тѣло међу се, па ау! ау! ау! донесу на єдну ливаду и спусте на траву,

чимъ они спусте, а глава се тѣлу прилюби и Гвозденъ оживи, и рекне: „Аа! ала самь яко быо заспао!“ А звѣрадь му приповѣди, што се съ ньимъ стало и шта су они чинили. По томъ оде Гвозденъ у цареву варошь кодъ єдне бабе, кодъ кое є и пре быо. Баба му приповѣди, како є єданъ циганинъ донео главе и да є царъ морао вѣнчати свою кћерь съ ньиме. Онда Гвозденъ пошлѣ свога куряка до царева двора, гдѣ є веселѣ было. Чимъ курякъ у дворъ, а то изподъ цыганина три ястука испадну. Спази царева кћи куряка и каже отцу: „видишъ отацъ, онай є звѣръ мене избавіо!“ Па у свиленой марами пошлѣ свакояка єстива, да му куварица на вратъ свеже. Кадъ куварица ово уради, а курякъ оде до бабина двора. Затимъ пошлѣ лава. Чимъ лавъ у дворъ царевъ, а то исподъ циганина друга три ястука испадну. Покаже царева кћи и овога отцу цару, те свеже у сребрной марами свакояка єстива и пића па пошлѣ, као и по куряку. Кадъ лавъ кући дойђе, пошлѣ медвѣда. Чимъ медвѣдъ у дворъ ступи, а то испадну исподъ циганина и послѣдня три ястука. Царева кћи покаже цару отцу своме и медвѣда, те по нѣму у златной марами пошлѣ свакояка пића и єстива. Царъ за медвѣдомъ пошлѣ свога слугу, да онога, чія є звѣрадь у дворъ дозове. Оде служитель и каже Гвоздену одъ цара поруку, и Гвозденъ дойђе. Чимъ Гвозденъ у собу међу госте ступи, а циганинъ одма одъ страха испусти чашу изъ

руке. Царъ учини испытъ како є могао циганинъ главе донети, кадъ є Гвозденъ аждаю убіо. Гвозденъ приповѣди све пореду, како є было, и шта є циганинъ урадіо. Садъ циганина почну пытати, и онъ куражно одговарати стане, да є онъ аждаю погубіо, єрбо є и главе донео. Гвозденъ рекне: „А дед' да видимо єсу ли у главама єзыцы?“ Главе су одъ Аждае по жельи циганина предъ ньимъ подъ трпезомъ быле. Узму слуге предъ своимъ царскомъ господомъ главе єдну по єдну и пойђу ій отварати, па ни у єдной єзыка не быяше. Онда Гвозденъ изъ џепова своы повади єзыке, помеће ій у главе и виде, да є тако. Те тако кадъ се ово извидѣло, єдну пећь деветъ путы ужаре, те у ню циганина баце, а Гвоздена вѣнчаю съ царевомъ кћери, и учине наново часть и веселѣ. Потомъ царъ даде Гвоздену полакъ царевине свое, а после смрти цареве настѣди целу царевину, те є са женомъ своіомъ царицомъ млого година царовао, и срећно проживіо за своы година.

І. Стефановић.

СТИХОТВОРЕНІЯ
ПѢСНЕ ДРА І. СУББОТИЋА.

1.
ЛѢТНО ВЕЧЕ
или
АПОТЕОЗИСЬ САВКЕ.

I.

Ил' є чудо одъ Бога послато,
Ил' ми духу свемогућство дато?
Божѣ чудо, ил' духа ми чедо,
Истина є, очима самь глед'о!

II.

Охъ! лѣпо є премило пролеће,
Кадъ изъ зимногъ све се санка креће;
Све є младо, све пуно єдрине;
Струкъ, листъ, цвѣтакъ, све пуно милине;
Самымъ зракомъ младый животъ бруи:
У свѣтлости сласть и младость струи!

III.

Али ячи грудь дижу таласи.
Кадъ српъ зрѣли изгледаю класи!

* * *

Злато чисто кадъ зазвони,
Духъ чудесный у нѣму ромони;
А у близку сяйногъ лица нѣговога
Зракъ насъ обаява свѣта чудеснога.
Єзгро землѣ и срдце човека
Мора да скопчава выша свеза нѣка!

* * *

Тако златна жетва човеку у груди,
Кадъ є око гледи, чуданъ животъ буди.
Миріяде нѣногъ сѣменскогъ живота,
И символска нѣне зрѣлине дивота.
Цѣо свѣтъ животомъ од живота каже,
И све дивнымъ чинма зрѣлине облаже
Животъ є животу цѣль и цѣна права,
Єл' савъ свѣтъ самъ животъ,—звѣзде дира глава!

IV.

Па надъ жетвомъ оно небо плаво
Сынѣ море, коє за дно не зна!
Ой вечернѣ чисто небо, лѣтногъ дана славо!
Ты си сласти море, ты любкости бездна!
Єда л' те є когодъ погледао,
Да му духъ се ніє разиграо,
Да га ніє та желя понела,
Већа сила да бы га пренела
Там' у оне пуне любкости высине,
Тамо у сѣдиште чуда и милине?

Охъ! човеку тако, кадъ мре, быти мора,
Као кадъ намъ лѣтно небо се отвора!
Па кадъ тако сладко у небо є гледат',
Каква сласть быт' мора у нѣга прелетат'!

V.

Шта то лѣтно вече чистымъ зракомъ носи?
Єда л' мирись райскій са неба доноси?
Као быстра вода што грудь жедну хлади,
Тако душу струя та чудесна слади.
Као кадъ се сунце у мору окупа,
Па небеснымъ сводомъ чисто млађе ступа:
Тако чувство ова чудна струя прави,
Тамно да просія, болно да оздрави! —
Да л' то ніе струя оне домовине,
У кою се ступа, кадъ с' овдѣ премине?

VI.

Таква жетва око мене,
Такво небо изнадъ мене,
А я єздимъ, къ Новомсаду гледимъ;
Ако хитимъ, само жельи слѣдимъ!
Новисаде, да си благословенъ,
Лѣпъ ли ты си, ако с' и разоренъ!
Какво благо за ме твое крыло крые,
У свему ти свѣту нигдѣ пара ніе.

VII.

Текъ да сѣдне сунце ярко,
Хити къ мору, уморило с' жарко;
Хитно с' спушта у наручя ноћи,
На грудма любовце тражи нове моћи.

* * *

Сѣдай, сѣдай ты сяйно сунашце,
И насъ чека любеће срдашце;
И мы ћемо сутра теби казат' моћи,
Каква сласть у нашой за насъ лежи ноћи!

* * *

Єси дивно, сунце мило,
Ал' іоштъ никадъ ниси тако было;
Да ніе предамномъ Новасада драга
Небы скинуо ока съ твога лица блага.

VIII.

Лете полѣмъ она кола лака,
Лети небомъ барка одъ облака.
По Напульскомъ видѣти є мору
Сличну барку томъ облачномъ створу,
Кадъ рыбара залюблѣна носи
Къ ономъ сунцу-лицу, къ оной ноћи-коси.

* * *

Нигдѣ ни влаканца одъ каква облака,
Само на западу плови сѣнка лака;
Чудновата сѣнка слику брода има,
Те у свое крыло ярко сунце прима.
Као на Бученторъ круна одъ млѣтака,
Сѣда сунце у ту барку одъ облака!
У полу скрывено тимъ сурымъ облакомъ
Прелама му таму своимъ силнымъ зракомъ,
У полу се сія надъ облачномъ сводомъ
Те округъ просія чистымъ неба сводомъ.

* * *

Охъ! кадъ бы ми дао Рафаилъ кичицу,
Да скинемъ ту слику за мою дѣчицу!
Да виде тай округъ одъ райске ясности,
Око нѣга млазе тамніе свѣтлости,
Да виде подъ бродомъ одъ свѣтлости море,
Како као онай живый огань горе!

IX.

Па заръ може іошть што лѣпше быти?
Та вѣкъ лѣпше не може с' ни снити!
Ал' ко може силу премѣрит' нарави?
Ко л' предѣлъ положит' човечіой глави?

* * *

У томъ кругу райске славе
Стала вила Велисава,
Десномъ рукомъ Данакъ води бѣлый,
А у лѣвой Сунце држи жарко.
То не была Велисава,
Већъ то была Єлисава
Десномъ води своегъ сына Деанка,
А на лѣвой сына држи Жарка!

X.

Ил' є чудо одъ Бога послато,
Ил' ми духу свемогућство дато?
Божѣ чудо, ил' духа ми чедо,
Истина є, очима самь глед'о!

XI.

Не машите люди главомъ!
Не развлач'те устне люди!
Чудо с' чини жельомъ правомъ;
Крѣпка воля мртве буди!
Свѣтъ є огледало срдца нашегъ само:
Што у овомъ живи, то видимо тамо!

2.

ПѢСНА СЕКУЛАРНА.

Г. ІОВАНУ И Г. МАРІИ ХАЦИЋЪ.

на 25-тый годишньій данъ брачногъ ньиногъ састанка

28. Октовра 1854.

1.

Пѣсну пѣва зора любичицы:
„Ой любицо, одъ любови цвѣту,
Што іоштъ не зна, шта іой груди лама,
Немашъ пара у пролѣћномъ свѣту,
Чиста стоишъ у пролѣћу сама!“

2.

Пѣсну пѣва славуякъ ружицы:
„Ой ружицо, од любови цвѣту,
Коя срдце на срдце привлачи,
Немашъ пара у пролѣћномъ свѣту,
Тебе животъ пурпуромъ облачи!“

3.

Пѣсникъ зори и славую сбори:
„Нек' се скрые права любичица,
Нек' с' уклони румена ружица:
Чиста любовь небесна є роса,
Чиста любовь сунчана є луча,
Чиста любовь землю съ небомъ спуча.

4.

Прође весна, увене любица,
Прође лѣто, опадне ружица:
Чисту любовь и двадесетпето
Као данъ првый поздравиће лѣто,
Па и саме поздне смрти рука
Неће с' такнут' тога вѣчногъ струка!

3.

МОМКУ.

Урандеръ, уран' Стояне,
Срећа ти иде на ньиву,
И носи златна сѣмена,
И води лѣпу дѣвойку.
Ако те нађе на ньиви,
Докле се сунце не роди,
Даће ти златна сѣмена,
Да ньиме ньиву посѣешъ,
И даће лѣпу дѣвойку,
Да ти га сѣят' помогне.

4.

ДЂВОЙЦЫ.

Устандеръ, устан' дѣвойко,
И русу косу очешлай,
И лице умый румено.
Срећа ти иде у кућу,
И води млада Драгойла,
И носи танку шибльику.
Ако те нађе да бдіеш'
Даће ти младый Драгойла,
Те ћешъ свегъ вѣка пѣвати;
Ако те нађе да спавашъ,
Шинуће т' танкомъ шибльикомъ,
Те ћешъ свегъ вѣка плакати.

5.

СОКО.

Лѣпомъ Драги соко одлетіо
У нѣдра є лѣпой Нери пао.
Лѣпо моли Драгойло дѣвойку,
За сокола себе ньойзи дае.
А дѣвойка у стыду се смела,
Не погађа у нѣдры сокола,
Већъ му дае срдце изъ нѣдара!

ПѢСМА НОВОМСАДУ.

ОДЪ ДИМИТРІЯ ОРЕШКОВИЋА *)

1.

Боже, шта то тутньи,
Тако изъ дубльина?
То далеко ніе
Одъ Фрушкы планина!
Ил' громови бію
Ил' се шуме ломе,
Ил' се Фрушке горе
Край Дунова роне?
Шта є, да є, добро быти неће,
Докъ се воће изъ корена креће!
Да намъ пошлѣ Богъ
Хранителя когъ,
На тай страшный данъ
Да насъ чува самъ!

---

*) Съ овомъ пѣсномъ уводи Србскій Лѣтописъ народногъ єдногъ пѣвача у кругъ своы читателя, и представля га, да га сви познаду. Быле су већъ поедине пѣсне овога нашега сународника више путы штампане, али по календары, изъ уста народа узете, безъ свакогъ разговора о пѣвцу ньиномъ.

Лѣтописъ србскій држи за свою дужность све, што є у народу свое и необычно, не само просто ставити, него и препоручити.

2.

Нит' громови бію,
Нит' се шуме ломе,
Нит' се фрушке горе
Край Дунава роне:
Већъ топови туку
Изъ србскога стана
Подъ управомъ славногъ
Єлачића бана.
Све топове велике и мале
Граничари на злотворе пале;
Пакъ юриши банъ
На злотворскій станъ,
Ал' побѣже врагъ
У Варадинъ градъ!

Димитріе Орешковићь живи у Шиду, и бави се економіомъ, а изъ прећашньы година, држао є и гостіоницу. Онъ є мало нѣшто школа слушао, али не вѣруемъ, да є гимназію свршіо. Одъ млады своы година спѣва онъ пѣсме, кое самъ поредъ тамбуре пѣва. Знати пакъ валя, да онъ самъ и аріе износи. Гласъ има лѣпъ, а у тамбуру добро удара: може се дакле мыслити, да нѣгове пѣсне съ тимъ већу силу имаю, што ій люди пѣване слушаю, и што су увѣкъ изъ правогъ живота узете. Одъ уста до уста пролазе нѣгове пѣсме у све предѣле, у коима се Срби находе, и кадъ се изъ Шида изнесу, онда се понайвише већъ више не зна, ко ій є спѣвао.

3.

Огорченъ се нађе
Вражій ђенерале,
Изъ осветe виче
Да Новый Садъ пале!
Лете бомбе широмъ
По Новоме Саду,
Новосадски Срби
Куда кои знаду!
Топъ за топомъ са сви страна
Те страоте да те Богъ сачува!
Горе Новый Садъ,
Свети му се врагъ.
Време настаће,
Лѣпшій постаће!

Пѣсме Орешковића увѣкъ су истина цвѣће са ливаде дѣйствителногъ живота узбране, али су чисте и одъ пукости и одъ плиткости: у њима нейма идеалне узвышености, али се свагда у нѣкой высини држе, коя ій одъ опорине свакидашнѣгъ живота чува. Орешковићъ гледи, да се свагда чисто србски, и ясно сгодно и слично изрази. Као примѣръ наводимъ ове строфе изъ друге єдне пѣсме:

Мою майку клећу,
Докле годъ самь жива,
Никада іой нећу
Я ужећи свећу;
Тако ми є крива.„

и:

„Ни годину дана
Іоштъ не живимъ съ њимс,
Сва ми лева страна
Око срца врана;
Живимъ, не знамъ съ киме.‘

Нѣгове су шальиве пѣсме веселе, несташне, али увѣкъ у границы стыдльивости држане, и у рѣчма чисте.

Орешковићъ има преко стотину пѣсама и више, па и данъ данашньій, кадъ само доспѣ, а онъ тамбуру у руке, а папиръ предасе па пѣва и слаже аріе, и саставля пѣсме.

Овай нашъ пѣвацъ може око 49 година имати. Чуемо, да є пѣсме своє скупіо и г. Медаковићу послао, да ій штампа, ако за добро нађе.

Ова овдѣ саобштена пѣсма Новомъ Саду подиже се већъ у вышу сферу пѣсничства, и ма съ кое стране сматрали, єсть красанъ цвѣтъ у пѣсничкомъ нашемъ врту.

С.

VII.

ПУТНИЧКА ПИСМА.

ОДЪ ДР. СУББОТИЋА.

I. ПИСМО.

У Љубляни 5. Юнія 1856.

Љубезный пріятелю!

Немой се плашити, не мыслимъ я тебе моимъ писмама уморити. Ты знашъ, да я волимъ истина много видѣти и чути, али да нисамь пріятель одъ велика разговора. А како ми писанѣ одъ руке иде, то ты и опетъ найболѣ знашъ, кои по две три године одъ мене писма не добыешъ.

Небойсе дакле; нити ће моя писма быти дугачка, нити ћу ти са свакомъ маленкошћу досађивати.

Ты ако имашъ волю видѣти оно, што самъ я видѣо, а ты спремай паре, па хайде замномъ; а ако те та желя не мори, а ты сѣди гдѣ си, и болѣ є. Но я самъ радъ моимъ писмама само оно у редъ да ставимъ, што самъ на путу оберучке тако рећи чупао, на шго є веће и лѣпше, то да сложимъ за пріятелѣ, кои су томе ради, а оно друго да одцѣпимъ, у рѣку заборавности бацымъ, и своіой га судбини оставимъ.

Али то ти кажемъ, допала ти се моя писма, не допала, да ій ниси нипошто штампао. Ко хоће у свѣтъ, тай се мора лѣпо обући, умыти и очешляти; а я нити ти имамъ одеће, ни огледала да видимъ, како шта стои, а ни времена, да угађамъ, него онако прашанъ съ пута сѣди па пиши. И садъ съ Богомъ остай; мой другъ ме гони, да идемо на променаду, да видимо Люблянскій свѣтъ, а ты знашъ, да я сваког мога друга слушамъ, а овога найвећма. Твой

искренный пріятель.

ДРУГО ПИСМО.

У Любляни 6. Юнія 1856.

Любезный пріятелю!

Знамъ те шта мыслишъ!

„Та ты нити си се у Любляни родіо ни окућио; па одъ кудъ са Любляномъ починѣшъ? вальда си се

повео по Омиру старцу, кои своє пѣсме изъ среде починѣ; али путъ ніє омирска пѣсма, а дѣда Омиръ ніє башъ сасвимъ као и свакій другій човекъ; зато пази, да не ударишъ страпутицомъ.“

Хвала теби на савѣту; а хвала и Богу, те люди имаю и непріятеля и пріятеля. Да ніє непріятеля многи бы што урадіо, чега бы се после каяо, а да ніє пріяталя, многій што написао, чега бы се после стыдіо. Я ћу дакле почети одъ Беча. Кадъ самь и како самь у Бечъ дошао, то ти є познато; а како є у Бечу, то сви наши трговцы болѣ знаду него и я и ты. Само да хоће Богъ дати, да одъ неизброенога онога добра, кое у Бечу виде, баръ десето приме, и къ нама донесу, а мы други да имъ свойски помогнемо, да га у животъ уведу.

Прелетившъ на гвозденомъ путу духомъ паре, а на крилы вѣтра крозъ дивну ону башту, коя се одъ Беча између Голничкы и Лайтины планина до Глогница пружа, дођемо подъ Семерингъ. (Ако имашъ тамо каквогъ філолога србскогъ, запытай га, може л’ се изъ Семеринга овимъ или онимъ путемъ, водомъ или ватромъ изтерати Сѣверникъ).

Сыти лѣпоте и красоте, и милы и пріятны узора, найвише смо на Шнеебергъ погледали. Некако ми се чудно видѣло, да ми се са нѣга у средъ лѣта снѣгъ чисто подсмѣва!

Погледимъ у књигу преда се, и видимъ написано, да се Шнеебергъ на 6566 стопа надъ моремъ у высину дигао. Да ли є нашъ Венацъ выше Хопова што нижій? Быће, али не у много. Све ми се чинило, да оно, што мы тамо на южномъ Дунаву и Сави имамо, ове горнѣ ствари или нимало преда се не пушта, или и ако, а оно у мало што.

После чуємъ, да наша славна Фрушка єдва 900 стопа надъ моремъ устає; али онда бы се покрвіо, да ми є ко тако мою милу Фрушку понизіо. Текъ кадъ самь се вратіо, па онде, гдѣ самь пре тога высоке планине оставіо, мале хумиће нашао, онда самь и самъ видѣо, да су оно, што самь тамо видѣо, голіяти, а ово ньина мала дѣчица.

Кодъ Глогница починѣ наймлађе чудо свѣтско, Глогничкій гвозденый путъ. Одъ Глогница води овай крозъ Шварцавску долину до села Паєрбаха. Ту му пресѣца путъ Райхенавска долина; како ће се дакле садъ? Никако другчіє, него зиданъ віядуктъ (мостъ по комъ путъ иде), и тако се по віядукту, кои 900 стопа у дужини има, у зраку са єдногa брега на другій преко долине прелази.

Одъ тога віядукта савія се гвозденый путъ Глогницу натрагъ, и кадъ се до овога дође, а онога са оне стране долине 540 стопа дубоко изподъ себе видишъ!

Садъ све у напредъ узъ гору. Съ десне стране

каменъ у комъ є путъ изсѣченъ, а съ лѣве провалія, коя све дубльомъ постає, и на 5—600 стопа и више у дубльину спуштасе. Кола се часъ на часъ на ту страну накрену, и ко не спава, него мысли гдѣ є, и шта може быти, томе єза крозъ тѣло пролази, и колико се диви и чуди луху людій и силама, коє су обуздали, толико се стреса и ужасава одъ грозне опасности, у коє челюстима стои.

Предѣли великолѣпни, да ій се науживати не можешъ; али коя файда, кадъ ти се кожа єжи и коса на глави костреши.

Садъ смо дошли на найвећу высину Глогничкогъ гвозденогъ пута, на штацію Семерингъ, коя 2790 стопа надъ моремъ стои. Ту є просѣчено брдо Семерингъ скрожђу съ єдне на другу страну, и пролазисе крозань тунеломъ 4600 стопа дугачкимъ. Е то ти є опетъ чудо дивно; али се томъ чуду баремъ дивити можешъ, єръ ни съ єдне стране нейма оногъ 500 стопа дубокогъ єндека, него каменъ съ єдне и каменъ съ друге стране, каменъ одозго и каменъ одоздо, па само недай боже да се сводъ сруши, а друге бѣде небойсе. А да є сводъ тунеловъ као што има рђавы людій, па да добыє ћефъ срушитисе мало предъ нама, мало за нама, ту ти и вагробъ. Докъ до насъ прокопаше, дотле є умрео одъ глади, кои ніє быо тако срећанъ, да га на мѣсту утреска. Него хвала Богу и Богородицы, те Семеринжкій ка-

менъ остаде на своме мѣсту, и мы се срећно на Штаєрской страни опетъ у живомъ свѣту нађемо.

Ето ти шта ти є смрть. Смрть ніє ништа друго него Семеринжскій тунелъ, т. є. путъ крозъ гору, коя овай нашъ свѣтъ одъ оногъ другогъ разставля. Човекъ се нађе у тами и мраку, и мѣсту, гдѣ ни знака живота свѣтскогъ нейма; а кадъ на єдаредъ, а оно се спази у другомъ свѣту, кои є исто тако лѣпшій одъ овога, као што є лѣпшій свѣтъ съ оне странє Семеринга у Штаєру, него са ове у Аустріи.

Айде да ти іоштъ и ово на почекъ продамъ, што самъ я за готове новце купіо. Семерингъ брдо високо є 3140 стопа; гвозденый путъ пружа се по нѣму на 5 миля и три осмине, и кошта 15 міліона сребрны форинты.

Крозъ рай Штаєрскій прођемо, у рай Крайнскій уђемо, и у Любляни станемо, коє да се мало одморимо, коє да и ову малу резиденцію видимо.

Но време є да се и ты одморишъ. Знамъ да си већъ више путы погледао, єда ли си близу края. Е, садъ ћешъ баремъ како валя разумѣти, зашто ти недамъ писма ова штампати; кадъ ты, као пріятель єдва до края издурашъ, да ко ће одъ оны цѣло писмо прочитати, кои мысле да самъ црноманястъ, а ты знашъ да нисамъ, него плавъ као бѣло — . Твой

искренный пріятель.

ТРЕЋЕ ПИСМО.

У Трсту 7. Юнія 1856.

Любезный Пріятелю!

Ево насъ дакле на мору!

О лѣпо мое и красно море! колико самь путы я за тобомъ уздануо! колико ли самь путы себи крила пожеліо, да ти прилетимъ, да те се сытъ нагледамъ и надивимъ. Али управо да ти кажемъ, никадъ ти нисамь много вѣровао, и никадъ нисамь желіо дуго по теби путовати. Чудне си ћуди, и нити имашъ дирека ни гриве, да се човекъ у невольи може придржати.

Но рећи ћешъ: „каква є опетъ то садъ мода? пише мени, а разговарасе съ моремъ! є л' ко то іошть чуо и видѣо?“

Но, но! заръ ты не нагађашъ, да є ово майсторія одъ мене? Знамъ я, да си ты лютица као и море, па зато самь и почео овако, да покажемъ, какви сте.

У Љубляни видѣо самь ти мало другчіе Шнееберге. Триглавъ и Лойбелъ были су мало другачіе снѣгомъ обложени него оно—трице одъ Шнееберга, о комъ самь ти одпріе писао. Ето видишъ, какви су люди. Докъ нисамь опазіо Триглава, чудіо самь се и дивіо Шнеебергу; а текъ што самь видѣо мало веће брдо, и на нѣму мало више снѣга, а я Шнеебергъ ни подашто. Тако ти раде люди и съ човекомъ а не само съ брдама.

Зашто гора у лѣто снѣгомъ покрывена тако на лухъ човека дѣйствує, то ти я не знамъ казати; али да ти є у луху и у души чудно, кадъ око на ню бацышъ, то самь кодъ самогъ себе дознао. Првый путъ ти є найчудноватіє; али и послѣ, колико годъ путы око тамо бацышъ, свагда ти се нѣка особита струя у прсима залюлька; чисто ти духъ жедни за тимъ угледомъ, и чисто те нѣшто изнутра тера, да га тражишъ.

Зашто є то тако, я не знамъ; ты си досѣтльивіи, па ћешъ можда прѣже погодити. Та знашъ, како ти є, кадъ видишъ сѣдиномъ украшену главу, а знамъ опетъ, како ти є, кадъ у црне быстре, буйногъ живота пуне очи одъ осамнаєсть пролѣћа погледишъ; е, па вальда ћешъ како израчунити, иде л' то на єдно, и шта є чему узрокъ. Да си ми здравъ и весео.

Твой

искренныи пріятель.

ЧЕТВРТО ПИСМО.

У Трсту 8. Юнія 1856.

Любезный пріятелю!

Е, мой брайко, оди овамо, па да видишъ, на што є човекъ осуђенъ, кадъ є изъ рая изгнать! Да ли ми є одкудъ садъ овдѣ каковъ нашъ Бачкій или Ба-

натскій газда да види, съ каквомъ мукомъ црна, али шта я говоримъ не црна, бѣла земля ради.

Кудъ се окренешъ, самъ камешъ. И съ тимъ каменемъ хрве се човекъ и натеже, докъ га не надяча. Гдѣ само каковъ комадъ нађе, да не лежи тако стрмо, одма га изсѣче и изравни, па онда навуче на њега, шта мыслишъ? — прашине одъ камена, и чека и изгледа, докъ се та прашина супцемъ и мокриномъ у соконосну грудву не претвори, па онда сѣе и жнѣ! Каква є то жетва, то можешъ мыслити; али у колико има манѣ сламе, у толико има више славе, и у колико іой є рѣђе влаће, у толико већма пада слађе!

Не можешъ себи представити, како ми є чудно было, кадъ самь видѣо, како се каменъ копа, дроби и на друмъ размеће; па како се после утрвена прашина са друма у гомиле сгрће, на њивице сноси, и тамо као кодъ насъ оно тусто ђубре разстире!

А нигдѣ те тако чудо не стеже, као на Карсту. Ово є высока равница, коя на друму изъ Љубляне у Трстъ отъ Аделсберга починѣ, па се до Рѣке и Горице пружа. Између Сессане и Опћине найгора є; то ніє ништа друго, него прегрдно єдно гроблѣ, крозъ коє се читавъ сатъ путує, и на комъ нигдѣ ништа нейма, до само єдне суве слабе, ядне и чемерне траве, и неизбройногъ камења, коє по полю као изъ какве вреће безъ разлога на густо изтресено лежи, па као какво неуделяно гробно камепѣ дивлѣгъ ка-

квогъ народа стои, кои є ту крвавъ бой біо, и на стотине хиляда свои витезова сараніо.

Па и ту сѣку люди и крешу то каменѣ, тай кршъ; мѣста, да ій прескочишъ, сыньимъ каменѣмъ ограђую, и у ливаде претвараю!

Пытаю люди, гдѣ є био рай, и куда є Богъ Адама изтерао? Ево гдѣ! Сремъ, Бачка и Банатъ, то є рай, у комъ є Адамъ живіо, а изтерао га є Богъ на ову камениту опћинску равницу, зато му є и рекао, да у зною мора храну себи прибављати.

Читаво бы човекъ морао помыслити, да тай сыный каменъ ніє масла ради ту; што то, али мора да има нѣшто особито, кадъ се преко те горе одъ гологъ камена преће. И небы се преваріо, єръ та гора одъ камена ніє ништа друго него брегъ, о кои се дебело море ломи.

Кадъ се крозъ село Опћину прође, угледа се на врху те высоке равнице великій єданъ одъ камена шилякъ; мало ближе, а оно тай шилякъ ніє ништа друго него высокъ стубъ одъ камена човечіомъ рукомъ начинѣнъ, и на нѣму написано: Mutuis commodis Germaniae et Italiae (На корысть и Германіи и Италіи); дигнутъ є у славу и споменъ Цара Француца, кои є тай друмъ одъ Любляне до Трста направити дао.

Првый погледъ са тога спомоника мира и корысти пада на пучину морску и лѣпый градъ Трстъ. За

єданъ малый сатъ сиђе се крозъ прекрасне вилле и винограде друмомъ, кои се као змія тамо амо савія у варошь, одсѣдне се у хотелъ де-ла-вилле, стане се на прозоръ, са кога се лука (пристаниште) и са шумомъ одъ неизброєцы катарка, и море са птицовидным летећимъ бродићима види, и сто и сто путы враћа и враћа къ овомъ новомъ, чудесномъ, великолѣпномъ, обаятелномъ погледу!

А кадъ на тргъ а оно чудо и покоръ одъ лимунова и нераноца; цѣо тргъ као да є златанъ, што се на све стране, све на нѣколико тавана єдно надъ другимъ наслагана ова дѣца южногъ сунца жуте.

Е садъ, кадъ самь ти добро воду на уста натерао, могу престати; а ако ти нарасту зазубице а ты не криви мене, него Трстъ или кога другогъ, што ніє Трстъ гдѣ си ты, или што ниси ты гдѣ є Трстъ.

Съ Богомъ

Твой искренный пріятель.

ПЕТО ПИСМО.

У Венеціи 9. Юнія 1856.

Юче се кршило море, да є све букало, и катарке на бродовима у луки све су єдна о другу кршкале; а данасъ є мирно као ягнѣ. Садъ текъ разу-

мѣмъ оне рѣчи у нашимъ народнымъ пѣсмама:

„Или грми, ил' се земля тресе,
„Ил' удара море о брегове."

Паробродъ, кои є изъ Рѣке у Трстъ бродіо, мало се ніе утопіо, а на нѣму се налазіо младоженя изъ Далмаціе, кои є башъ по невѣсту у Падову ишао. Истый данъ мало се ніе грофъ одъ Мерана, сынъ надвойводе Іована подъ Трстомъ утопіо. Особита вѣштина у плыванію спасе му томъ приликомъ животъ.

Не знамъ, како коме, ал' мени се зракъ и море тако допада као мужъ и жена. Докъ се слажу, миръ по цѣлой кући; а како мужъ духне, а оно одъ жене читава праска. Па што онъ яче сѣва, то она све већма грми, и докле годъ онъ не престане, дотле кодъ нѣ мира нейма. Ко ће пакъ да страда, него кукавна шегрчадь; пуфъ майсторъ, пуфъ майсторица, па тежко ћушки, ако не буде одъ добре грађе. А кадъ се помире, а то веселія кућа, негъ што є пре рата была.

Тако и данасъ, кадъ сване, а оно ютро красота, не можешъ лѣпше желити. Те ти мы брже болѣ на паробродъ, мыслећи, кадъ су се ови юче тако изинатили, а ноћасъ тако измирили, то имъ сигурно данасъ до подне неће доћи ћефъ новъ ратъ започиняти. Мы ћемо на подне лѣпо у Венеціи быти, па послѣ што имъ драго; башъ ако другчіе не буде, можемо и сувымъ кући натрагъ.

И ты си вальда чуо, а я зацѣло, да човеку, кои

се ніе научіо по мору возатисе, зло буде. У то самь име я цѣлымъ путемъ моме другу говоріо: како се мени лако смути, и како самь лаке нарави, то нећу се я іоштъ ни на кровъ брода попети, а већъ ће ми легень требати. Можешъ дакле мыслити, съ каквымъ самь ти срдцемъ на бродъ ступіо.

Шетамъ се по крову бродскомъ; мотримъ, да ли ми є како, како ми юче ніе было. Никакве промѣне. Мыслимъ у себи: чекай, докъ се крене паробродъ, знаћешъ, како се по мору вози. Буде и то; паробродъ се крене, и већъ подобро у море загазимо. Никакве промѣне. У томъ страху и бриги нисамь ти могао ни погледъ мора уживати како валя. Ніе ми ништа, али мысао, да ми мора што быти, учини, да не мого чисто осѣћати, да ми башъ ништа ніе. Најпослѣ стане мене нѣшто подъ лажичицомъ стезати. Аха! ево га, садъ ће быти вашара. Чекамъ преправомъ све оне страшне муке издржати, коє ми є єданъ познаникъ са источногъ мора ужаснымъ бояма нѣгда описывао. Чекамъ єднако, а ништа се не указуе. Најпослѣ окуражимсе, и погледимъ томе госту у моіой утроби болѣ у очи. Охо! Та мы се знамо; мы смо канда свакій данъ око подне заєдно. Кадъ є тако, садъ ћемо се другчіе разговарати. Пронесе момакъ прекрасанъ бифтекъ покрай мене; я га не пропустимъ далѣ, и да не быяше само на маслу печенъ, небы ми никада ни єданъ бифтекъ на Дунаву слаће пао, него овай насредъ мора!

Садъ ти я добыемъ срдце, те заборавимъ и на страхъ и на бригу, и станемъ се наслађавати гледанѣмъ чуднокрасногъ мора.

Я самь увѣкъ држао, да море ніе нишга друго него разливенъ Дунавъ, комъ се брегови не виде. Єсть да! вода морска сасвимъ є другачія него вода у Тиси или Дунаву. То ніе вода, него металлъ, кои се лива; па кадъ таласъ о таласъ стругне, а оно изгледа, као кадъ се санта леда о другу таре; пѣна имъ є пакъ као найгушћій какавъ каймакъ.

Боя морске воде и не наличи на бою друге сладке воде, него на бою металску; а преливасе и прелама тако, да одъ отворене топло-млечно-зелене, крозъ све друге зелене, у модру и плаветну прелази. За паробродомъ се наравно трагъ повлачи, и пѣна прави, па кадъ на ту пѣнушећусе пругу подъ сунце погледишъ, а оно се чини, као да є читаво море — море — одъ млека.

Врло сгодно изражаваю наше народне пѣсме природу морске воде, кадъ кажу: дебело море. И єсть заиста дебело!

На полъ пута сретнемо паробродъ, кои є изъ Венеціе у Трстъ ишао, и као да се ка'оно наше скеле по єдеку повлаче, или да є по мору друмъ просѣченъ, тако єдномъ линіомъ иду.

Найпослѣ найђемо се на ономъ мѣсту, гдѣ се на истоку, югу и западу ништа не види до саме сам-

ците воде; на сѣверу могла се истина сува земля као нѣкій млазъ догледати, али то ми є слабо сметало, кадъ самь лице къ югу, а ону страну главе, на коіой човекъ очію нема, къ сѣверу окренуо, онда ништа друго нисамь видѣо, него море и небо. Е, садъ да духне каква олуина, па да онда познашъ, каква є то благодать у Новомъ-Саду сѣдити, па после ручка читати, како други лѣпо по мору путую, и нѣгова чуда описую.

Кажу люди, да злослута зло силомъ навуче. Хвала Богу, те се нисамь у кошульицы родіо, па не могу ни човека ни време уреѣи. Време не само да се ніе изопачило, него є све постаяло лѣпшимъ; а я мѣсто да самь св. Николи ужегао свѣћу као катарку, што ме є одъ сваке неприлике сачувао, срдіо самь се, наравно кадъ самь на суву быо, што насъ ніе каква страшна бура изпреметала, па да се баремъ могу предъ браћомъ похвалити, како су сви други кукавице, а я єданъ юнакъ. Знамъ я, да путницы имаю право мало и слагати; а видѣо самь у Милану, да се, и како се тимъ своимъ правомъ служе; али ме є морала сладка моя майка добро изтуѣи, кадъ самь првый путъ у дѣтинству слагао, па не могу ти казати, да є было што ніе, и да ніе, што єсть, па ма ми одма главу сѣкли. А како бы то лѣпо было, кадъ бы я теби садъ страшну буру са свимъ ужасима и дивотама (а я бы већъ нашао, одъ кудъ бы безъ лихве

узаймiо) описао; ты бы се прекрасно забавiо, а мене небы ни пребiену крайцару коштало.

Iошть єдну, па доста. Гледећи у море осѣтимъ истину онога чувства, коє Гете у своiой пѣсми „Рыбарь“ онако дивно описуе. Све ми се чинило, да ми нѣшто изъ мора пѣва:

„Ach wüsstest du, wie s' Fischlein ist.
„So wohlig auf dem Grund,
„Du stieg'st herunter wie du bist,
„Und würdest erst gesund.“

Све ме є нѣшто къ той чудноватой води привлачило; и да самь знао плывати као што незнамъ, Богъ и душа, было бы

„Halb zog sie ihn, halb sank er hin,
„Und ward nicht mehr gesehn.“

У колико ми є дакле жао было отоичъ на сладку мою майку, што ми нiє дала научити лагати, толико морамъ садъ већма премиломъ отцу захвалити, што ми нiє дао научити плывати. Нисамь я знао цѣнити нѣгове мудре рѣчи, кадъ ми є, шилюћи ме у Карловце у школе говорiо: „Немой да се купашъ у Дунаву, не иди се купати у Фокове.“ Не купатисе у Дунаву и Фоковы, то є у оно време у Карловцы толико было, колико не научити плывати, єръ, не знамъ како є садъ, а у оно време пити є было друге школе за плыванѣ одъ Дунава и Фокова, ни другогъ учителя одъ старiи другова. Ови истина нису по системи учили плы-

вати, али зато се опетъ онай, кои се дави брже научіо на води држати.

Немой дакле ни ты твога сына дати учити да плыва; єръ кадъ дође на море, ако се разбіє лађа, неће му помоћи плыванѣ, а ако є време лѣпо, неће се моћи као я уздржати, може скочити у море, па може быти свашта. Добра є рѣчь нашы стары: не валя дѣте дати учити яшити, єръ може пасти съ коня, па скр'ати вратъ; не треба да учи плывати, єръ се може утопити; нипошто да не учи играти, може навући хектику; одъ пѣваня га чувай, єръ ће тражити піянке па може постати бекрія; нека бѣжи одъ пушке, єръ му може руку одвалити; а на саблю нека мене крстъ, єръ ако научи пьомъ владати, покрвиће-се са свакимъ човекомъ, кои му не каже добро ютро, па ето ти свакій данъ белая и окршая.

Овако су наши стари мыслили, па смо мы хвала Богу честити и валяни; ако желимо имати валяну и честиту дѣцу, онда и мы треба тако да чинимо, єръ нейма другогъ пута у добру, него коимъ свѣтъ одъ миляду година иде. Не валя другчіє, него наши стари: и онога, што ніє кодъ ньи добро, валя се тврдо држати. Єръ ако урадимо другчіє, быће само одъ зла горе, па не терай лиса, да не истерашъ куряка.

Е, ако ти садъ ніє доста, неће ти быти нигда, а ако ово писмо до края истерашъ, прочитаћешъ свaку шпайзцедулю, или новосрбски єловникъ.

Читао ил' не читао писмо, али край прочитай, єръ ту ћешъ видѣти, да самь я увѣкъ

Твой

искренный пріятель.

ШЕСТО ПИСМО.

У Венеціи 10. Юнія 1856.

Любезный пріятелю!

И я, и ты, и сви мы, учили смо у школама, да є Венеція градъ или ти варошь на овой нашой земльи. Сви ученицы вѣрую своимъ учитељма, па тако смо и мы држали, како су насъ учитељи учили. Али, слушай мене, не вѣруй имъ; Венеція ніє градъ, кои су люди на овой нашой земльи градили, него є правый санъ, као што га Шехеришда приповѣда, — пѣсма подобна Шекспировой: санъ лѣтне ноћи, — игра свѣтлости као оно fata morgana, свирка Аріела у Шекспировой Бури, чедо поезіе живота, єднымъ словомъ, што су дуси између людій, то є Венеція између градова, превышеземный створъ.

Млѣтке! какве Млѣтке? ко ће анђелску жену Шврћомъ звати? Нит' се ту шта мелѣ, ни мути, ни муля, ни млати, ни млита, ни млѣтка; па какве су насъ Млѣтке напале? Докъ писамь Венецію видѣо, мысліо самь, Богъ зна како самь паметно урадіо,

кадъ самь є Млѣткама назвао; али одъ кадъ іой у очи погледа, видимъ, па и теби и свакомъ другомъ кажемъ, да Венеціи никакво друго име не приличи, него Венеція. Помысли само, да у имену Венеція лежи име Вея, коє ништа друто ніє него остатакъ оне исте мысли и створа, кои се у имену Фее кодъ Нѣмаца у цѣлости одржао; помысли далѣ, да у имену Венеція наша красна рѣчь вѣнацъ звони; измысли найпослѣ, да Венеція и ніє ништа друго него Вея или Фее, ништа друго него найкрасніи вѣнацъ, кои є икада и одъ когъ саплетенъ, па онда рецы, можешъ ли є како другимъ именемъ звати?

Срећа Гетеова што ніе живъ, а овай бы се часъ свадили. Пытао бы га, гдѣ су му быле очи, гдѣ мысао, гдѣ срдце, кадъ є написао:

„Hast du Boja gesehn, so kennst du das Meer und die Fische.
„Hier ist Venedig; du kennst nun auch den Pfuhl und den Frosch.“

Но дабоме! Кадъ човекъ мысли на єло, онда су єднымъ миліє рыбе, а другимъ жабице; али то нико неће рећи, да у рыбама више лежи поезіе него у жабама! А шта є и Беттинка друго него мала Венеціянска жабица, па є Беттинка „любко чудо“ и іоштъ „къ тому анђелакъ“, є ли? знамъ я, одъ кудъ вѣтаръ дува! кадъ човекъ за римскомъ „Фаустинкомъ“ узьыше, чудо є велико, да у Венеціи Старо-Бечейскій рытъ не види!

Не вѣруй дакле Гетеу, него мени; єръ я нити самь гледао Фаустинку ни Беттинку, него само Венецію, па што ти кажемъ, тако є!

Садъ самь већъ лютитi, у лютини пакъ не треба ни пити, а камо ли писати, єръ се можешъ лако послѣ каяти.

Буди ми здравъ и весео, а я ћу гледати, да ти у томе чинимъ дружство

Твой

искренный пріятель.

СЕДМО ПИСМО.

У Венеціи 11. Юнія 1856.

Любезный пріятелю!

Добро, те ніє Гете живъ, и не може мое послѣднѣ писмо прочитати, а како є страшанъ, было бы мен", што 'но Г. Старчевићъ вели, тѣсно башъ као *Лютицы* Богдану у край винограда,

„Кадъ сагледа црне очи Марку,
И какавъ є на очима Марко."

Паметни су люди, кои никадъ ни у кога не диграю! Што се мене тыче, ил' моловао Земуиску цркву Радонићъ или Петровићъ? Истина, ако є узмала Радонићъ, поносићемосе пьомъ и мы и наши праунуцы; а ако є узради Петровићъ, а оно ће све већма

бости очи, што намъ се ове већма буду отворале; али што се то мене тыче? Нека само лѣпо я останемъ у миру, а што ће се Земунска црква нагрдити, а не украсити то нека предъ Богомъ и людма одговараю они, кои су томе криви. Па ко ће рећи, да ніе то и паметно и пробытачно!

Тако и я садъ и самъ увиђамъ, да нисамь добро учиніо, што самь на краю мога ючерашнѣгъ писма на Гетеа напао. Па зато да загладимъ, у колико се загладити дае, починѣмъ ово писмо и опетъ са нѣговымъ рѣчма, али сасвимъ другомъ намѣромъ:

„Diese Gondel vergleich' ich der sanft einschaukelnden Wiege,
„Und das Kästchen darauf scheint ein geräumiger Sarg,
„Recht so! Zwischen der Wieg' und dem Sarg wir schwanken und Schweben
„Auf dem grossen Canal sorglos durch's Leben dahin."

Каква лѣпота, каква дубльина, каква ли истина лежи у ове четыри мале врстице!

Да є Венеціа зидана као и друге садашнѣ вароши, небы, макаръ да у мору лежи, ни полу те силе на духъ нашъ имала, кою садъ има. Али странни, различни, нови видови домова и дворова чине, да човекъ и незнаюћи да то мысли, помысли, да є тай чудновитый старинскій градъ кадгодъ у оно доба, кадъ су чудеса бывала, тако како стои изъ мора изишао. И та тайна, неразвіена, несвршена мысао, коя се у духу рађа, а човекъ и не зна, да се роди-

ла, пресыпа Венецію оном чудесном свѣтлошћу, у коіой нам се првый пут показуе, и засыпа є оным зракомъ и мирисомъ пѣсничкогъ свѣта, у ком нам се блиста, кадъ є првый путъ погледимо. Найсилніе дѣйствуе Венеція на насъ, кадъ є данъ найчистіи, єръ онда што годъ манѣ нѣна особитость у очи пада, то све слабіе на духъ нашъ дѣйствуе. Ко дође првый путъ у Венецію, кадъ є данъ мутанъ, тай ни полу тога не осѣћа; а кадъ ко дође у ню кадъ пада киша, за тога су сви чини Венеціе изгублѣни.

Да є Венеція варошь нова, или да се и данасъ у пуномъ цвѣту налази, ни онда небы ни полу те силе на духъ нашъ имала, кою сада има. Забаталѣни нѣни домови, пустольине паллате, црни, ту тамо порушени зидови, праздна обыталишта, све то буди у човеку мысао, као да су тай градъ друга нѣкаква створеня зидала, а садъ ій више нейма; па и та мысао, дае Венеціи чудновитость и дражесть.

Ніе могао быти лѣпшій данъ, кадъ смо ти се мы край тврдыньица св. Андріє и св. Петра ди кастелло у великій капалъ увезли, и наспрамъ дуждевы дворова стали.

Одма насъ неизбройне гондоле облете, и у овыма намъ єдиный живећій ликъ старовенеціянскогъ жи-вота предъ очи стане.

Одсѣднемо у гостіонику кодъ св. Марка на тргу, кои истога светителя име носи, и текъ онда до-

знамо, да се у старымъ прокураторіяма находимо. Старе прокураторіе то су они дворови, у коима су силни и страховити прокуратори републике нѣгда обытавали. Чисто човека чудо снађе, кадъ на ове мысли дође. Нехотице мора око себе погледати, да ли се силный онай животъ ніе у комъ куту претаяо, и да ли се неће башъ тай часъ како разпирити. Какве ту славе, каква ту чуда ніе было; шта ти исти зидови видѣли, шта ли чули нису, кадъ бы само могли говорити и казывати!

Послѣ обѣда сѣднемо на гондолу, па крозъ великій каналъ съ єдногъ края на другій. Црне се силне паллате и съ єдне стране канала и съ друге; єдно славно име долази за другимъ, и съ ньима читавъ животъ у нѣме рекао бы праздне дворове. Найпре се не може човекъ чисто да нађе гдѣ є и шта му є; а кадъ се мало око на странне те видове навыкне, онда се све єдна лѣпша чини одъ друге, и не можешъ се доста науживати и надивити.

У великимъ нашимъ градовима много су куће веће и выше; али у богатству материяла, у различности и лѣпоти видова, у лакости и слободи слога не могу се са Венеціянскимъ палатама сравнити.

Ко хоће да види, како Венеція уцѣло изгледа, мора се попети на кулу св. Марка, или узети планъ нѣнъ преда се, и онда ће се зачудити, да ова ва-

ропь, коя као рыба у мору плыва, исто као каква морска рыба изгледа!

Кадъ се станемо враћати кући, сѣдне сунце, и пунъ мѣсецъ надъ Венецію стане. Е тога пера нейма, кое ти Венецію на мѣсечини описати може. Не знашъ море гдѣ си и шта те є спашло? Єси ли на земльи или гдѣ у облацы? Єси ли буданъ или снивашъ? Є ли то истино што очима гледишъ, или є каква обсѣна или ма шта!

Но на Марковомъ тргу текъ є што є. Са три стране стое прекрасне паллате, (болѣ рећи єдна єдина паллата), кое и спрамъ сунца око узхићаваю, а спрамъ мѣсеца као да су тайнымъ чипма пресуте. На четвртой страни дижесе Маркова црква, и изгледа као дворъ каковъ у комъ виле станую, па савъ колнкій у зраку одъ любкости плыва. Зракъ, лице неба, свѣтлость мѣсеца, неброене свѣће, конма є тржиште осіяно, свирке на више страна, люди кои ту као мрави гамижу; спомени кои и нехотице у неразлученой масси на духъ навалюю; све то, што нити ти я онако, како є, описати могу, нити ты, онако како бы я хтѣо схватити можешъ, чини, да се найпослѣ цѣло чувство у човеку у чудно нѣко море одъ разновидны струя претвори, лухъ уморенъ клоне, и ты буданъ снивающи ноћномъ покою предашсе.

Съ Богомъ. Твой

искренный пріятель.

VIII.

ПРИЛОЗИ
ЗА
ИСТОРІЮ НАРОДА СРБСКОГА.

(ОДЪ М. СВЕТИЋА.)

Пунктови, кое су Србльи искали, у Цариград послали, и после и Бећиръ-Паши у Београду предали Месеца Маія 1804.

1. Ови четыри Даіе, т. є. Мехметъ Фочоглу, Молаюсуфъ, Кучукали Аганли-баряктаръ, Мусса изъ Шабца, Юсуфъ Хациклиментеглу, да се изкорене изъ Београда и у напредакъ да не будну друге Даіе, нити да се чуе више име чифгликъ, зашто и само царство запрећуе, чрезъ покланяемаго фермана.

2. 1500 пандура да дамо подъ властію Везира, на сохраненіе и сигурацію нћгову и нашу, докле дође царева войска кодъ Везира, пакъ онда да се врате пандури свакій у свое мћсто.

3. Просимо одъ царства и одъ мемлећетъ опро-
щеніе и царскаго фермана, кои ће заповедати, да не
бы смео никакавъ турчинъ, или явно или тайно отма-
щеніе надъ Раіомъ чинити, нити да имаде укоравати
да є рая царству непокорна, будући да є Рая цару
покорна, него само противимо се онимъ зликовцемъ
одъ кои смо немилостиво мучени были.

4. Свакій Везиръ или другій Командирацъ, кои
бы послатъ было одъ царства да управля Раю по Хат-
серифу, кое нама царство вручило у години 1793.
у коимъ пише се свакій данакъ, колико Рая имаде
давати у царску хазну, и свакомъ Везиру, кои бы
было, и Спаіама, Войводама и Кадіяма ову сву дацію
обећава Рая опетъ по царской заповести дати, безъ
свакога найманћга изговора; а друго никакво ново
обновленћ и додатакъ неће да примимо.

5. Рая ище да будне у свакой Нахіи судница
(Кадилукъ) и да се тамо по закону свакій судъ пре-
гледи, и докъ се небы човекъ судіо, да не прими ни
найманю каштигу, нити у аресту да будне; и то Ка-
діе да буду люди паметни и богобоязльиви, да не
грабе новце и после неправду Раи чине.

6. Иште Рая да имаду ону слобощину коя є имъ
дата по Хатсерифу, да обнавляю цркве и манастире,
кое су спалили и изгорели; а међутимъ свакій обычай
наше вѣре, да се неправично не запрећава одъ Ка-

дія, Войвода и Спахія т. є. да не иде никакавъ Турчинъ у свадбе, и да се не мешаю Турцы у женидбу и вѣнчанѣ нашегъ закона люде, нити да заповедаю поповомъ ни родителѣмъ девоячкимъ да мораю вѣнчати за кога Турцы хоћеду, єрбо овы обычаи стое у власти нашего Архипастира, т. є. Архіереа, потомъ да не суди никакавъ Забитъ поповомъ, калуђеромъ, и да имъ не шилѣду мораселе и да ій не затвараю, єрбо попови и калуђери да се имаду судити одъ нашега Архіерея и одъ нѣга да се наказую.

7. Рая да имаде продати самовластно свакій свой мамудель ономе свакомъ, кои му даде већу и болю цену; и трговцы да пролазе слободно по Нахіяма и да тергую како и преће.

8. Рая да може себи избирати кнезове и ньи да припознае Везиръ, као Началнике рае, и ньіове речи да се слушаю кодъ свакога Кадіе за свакій добаръ посао, а међутимъ рая иште согласно сви да избираю єдногa човека за верховнаго целога Рода Србскаго, и онъ да се находи непрестанно у порти (укапіи) и свакій посо кои бы се дотицао Рае свакій Везиръ да имаде дѣйствовати чрезъ овога верховнога човека Србскога, и да се порезъ и другій царскій данакъ разделюе по Нахіяма чрезъ овога верховного, пакъ онда Кнезови да покупе порезъ и другій данакъ одъ Рае и да однесу кодъ ньіовогъ верховногъ, и онъ

да предае у Капію, и када бы требовало да изиђе какавъ Бумбатиръ, онда да се найпре имаде оному верховному пріявити и одъ нѣга да прійма Хуюметъ, штобы се за право нашло и да не могне Бумбатиръ Кнезовима досађивати, и за онога Верховнога Човека да имаде Паша послати Аруоанъ Дувлетъ и онъ да будне ферманъ у име Драгомана Србскога, како и у Мореи што се находи.

9. Када насъ Высокій Дувлетъ помилуе на све ово наше прошепіе, мы ћемо жертвовати нашъ животъ за све што бы намъ Дувлетъ заповѣдао, и хоћемо се показати найпокорнѣйшій у заповести Дувлета; Єго держава буди отъ Бода непобѣдима.

Мы долуподписани, даемо на знанѣ, како єсмо у уговору у Тополи и Београду држаномъ съ Верховнимъ Господаромъ и свимъ старешинама, заключили и заклетвомъ взаймномъ потвердили, како слѣдуе:

1. Совѣтъ Народный, сви Коменданти, Войводе, Кнезови, и савъ Народъ признаемо Господара Карађорђа Петровића и нѣгово законно потомство, за первогъ и Верховногъ Србскогъ предводителя; коему се сви обѣщавамо вѣрни и нѣговой заповести покорни быти; а онъ Господаръ Георгіе Петровићъ обѣщава се за савъ Народъ Отеческу бригу носити, и Совѣтъ народный за Верховный землѣ Судъ припознавати.

2. Све заповѣсти издаваће Господаръ Ђорђе Петровићъ преко Совѣта Народня и у договору са Совѣтомъ Народнимъ. — Свака наредба, коя се заключи, ако ће на општу ползу да буде, то є нуждно да се по заповѣсти извърши, онако, као што є заповеђено; — ово другоячіе неможе быти, докъ свакій чиновникъ и старешина незна одъ кудъ ће заповесть пріймати, и кому ће одговоръ за свашто давати; — зато дакле дае се на знанѣ свакомъ, кому надлежи знати, да ће се одъ садъ наредба и заповести издавати одъ Верховногъ Господара преко Совѣта Народнѣгъ. — Совѣтъ Народный издаваће заповесть на первогъ одъ Нахіе Команданта, кои ће после примлѣну заповесть на подчинѣне себи властнике издавати, и одъ ньи совршеніе заповѣстій искати, за кое ће се ответъ Совѣту народнѣмъ давати.

Дае се дакле свакомъ на знанѣ, за обще владанѣ и управленіе: Да є Господар Яковъ Ненадовићъ избранъ за првогъ Коменданта у цѣлой Нахіи Валѣвской, на кога ће се све заповѣсти преко Совѣта Народна издавати; а све проче старешине у реченой Нахіи да имаду заповѣсть одъ нѣга примити, и нѣму за свашто ответъ давати, сваку покорность и послушаніе дужни су нѣму као первому у Нахіи старешини оддавати. — Кои бы се нашо, да нѣму покоранъ ніе, онай ће и самомъ Верховномъ Господару и Совѣту Народнѣмъ непокоранъ быти; и таковый ће се као

општій целогъ Народа непріятель сматрати, и као таковый одъ целогъ Народа, као издайникъ Отечества каштигованъ ће быти.

Тако заключено и издано у Београду 14. Декемвра 1808 Правителствующій Совѣтъ Народный Србскій.

Карађорђе Петровић,
Верховн. Ком. и предв. Народа Сербскога.

НОТА
у Цариграду 3 Августа 1806 года.

Заключенъ миръ између Царскога Дивана и Србскога Депутата Петра Ичкогліе Базрђанбаше и прочіе Кнезова.

Да имаду давати на годину осѣкомъ.

На 20.000 глава порезе одъ главе по 18 гроша	360.000 гр.
на 55.000 глава арачъ одъ главе по 3 одъ сва три калема у Пашалуку Београдскому	165.000 „
Щедитъ то єсть све скеле, на Дунаву Сави	80.000 „
Чибукъ одъ оваца	40.000 „
За Мукаде (малићане) и Базрђан-Башалукъ	50.000 „
За Маду (крвнину)	3.000 „
За риболовъ у свему пашалуку .	3.000 „
За ђумрукъ Нишевачкій и Београдскій	100.000 „
Сумма .	806.000 „

ПРИМѢЧАНІЄ.

1. Подъ именомъ Мукада разумѣва се, Ђумрукъ и скеле по границы пашалука съ Турскомъ,
2. Тавмисъ гди се пече Кафа,
3. Багъ по капіи Београда и прочи градова,
4. Байратъ (што пасу коньи Спаискіи),
5. Мумане и Балане (Медарнице),
6. Капанъ и Кантаръ,
7. Дуна Емини (Каицы),
8. Морава (Скеле Мораве и Земуне,
9. Малићане, т. є.

Исарцикъ Коларъ, Ягодине Рудникъ Палежъ Краићъ у Ресави Мада у Кочани, Чертика и Диванацъ Гарде поречке Гребенъ Косилѣво Чизаръ челикъ и добра.

Планине место мукаде Седица Мира, Коцица и Темникъ.

Села, Долныи Боговацъ Бачина Ћорпа Драгойчикъ, Цайца т. є. Катунъ Варваринъ.

Баин' дол' планина. Пожаревацъ Кирковацъ, Кленовикъ Бреданъ.

Вароши Мука Смедеревска, Београдска, Валевска, Крагуевачка, Ресава градъ.

Продолженіе. Спаіяма да се плаћа по 4 гроша одъ главе и да немаю више ништа друго тражити, нити одъ ушура ни одъ воденица ни одъ жирова, єд-

порѣчію ни одашта, но само по 4 гроша да се скупе Али-Бегу предаду и Алай Бегъ, да раздае спаіяма. Спаіе по селима да не изалазе.

У поменутому выше лѣту чрезъ опоменутога посланика Србскога Петра Ичкогліе ова условія зактеваюћи Н. С. добыо є одъ Порте Отоманске съ ферманомъ. Но Народъ Србскій тогда появившей новой войни между Руссіомъ и Турскомъ изволіо є изъ приверженості и вѣрности къ высочайшему двору Аустрискому паче съ тяготою войну продолжавати противъ Турковъ чрезъ 7 лѣтъ; неже подъ овимъ условіямъ тихо мирно благодушествовати.

Приговори Дивана Турскога Посланикомъ Србскимъ въ 1816 году Септембра и на нихъ обѣщанія, да ће ферманомъ потверждено быти, но не исполнено

1. Чибукъ одъ оваца	40.000	гр.
2. За скеле Риболовъ и чарде . .	75.000	„
3. За ћумрукъ Нишевачкій и Београдскій	125.000	„
4. Мукаде. Пожареваць, Темхићъ Ягодина Руйно, Чемерна, Исарцикъ, Шабацъ, Мачва, Пећани, Бѣлиградъ, и Такмизъ кафеный	60.000	„
5. Войводалуцы у Пашалуку . .	20.000	„
6. Орачи Калема Београдскога . .	132.000	„
7. Орачи Калема Нишевачкога . .	35,000	„
8. Мукада Поречъ	12.500	„
9. Малданъ Пожаревачкій . . .	3.500	„
10. Базрћан-Башалукъ Београдскій	515 „	20 п.
11. Чрезъ годишньи на савъ пашалукъ	300.000	
12. Ћумрукъ па віпо	20.000	
Сумма .	823.737 „	20 п.

Но сія представлѣна одъ Дивана обѣщаю Србскимъ посланикомъ при походу что на тая потверди-телный ферманъ чрезъ Пашу Београдскога вручень будетъ има, кои и до днесъ неизвѣстенъ нама єсть пришел' ли у Београдъ Везиру или не.

11. Юнія пођо съ Протомъ и съ 3 момка изъ Бранковине къ Тополи къ Госп. Ђорђу, ноћисмо у Зеоцы, чусмо ту да є Карађорђе съ Госп. Яковомъ отишао на Острожньицу по цебану, ударисмо напротивъ имъ и½ часа єздивше — сретосмо Господаре горнѣ съ онамо 30 момака лепа три баряка носећи нова. Єданъ преукрашенъ и доста скупъ Господара Іована, на коему озго коплѣ и Иконе св. Николая и Архангела Михаила съ друге стране а два Господаръ Ђорђа. Сходнія много данашнѣму вкусу, єданъ ½ белогъ и ½ зеленогъ, а другій ½ црвеногъ ½ зеленогъ тафета тако єздисмо Янковой кући, кадъ се приближисмо Рогачи (Янкову селу) баряке момцы развише, и пѣніемъ шуму напунише. Ту ручасмо, а послѣ Янка оставивше дома, мы съ Госп. Георгіемъ и момцыма єго одосмо къ Тополи. Путъ изъ Рогаче къ Тополи єсть найпріятніи, све шуме, кое су овда величествене све по холмови (ни єднога нема велика брега) ливаде, и поляна, влати пшенице изменююсе приближаваюћи се Ђорђевой кући 2 сата крозъ шуму єдпако идосмо и около захожденія сунца послѣ 6 часова пута (толико има изъ Рогаче у Тополу) стигосмо и у Тополу

домъ Ђорђевъ на чистомъ холма къ западу окренутой страни лежи, савъ новимъ шаранповомъ и 4 кулама ограђенъ, внутри одѣлена авлія и нѣгова стара кућа и зграда и 2 чардака и єданъ насъ поквартирише до врата, а другій више квартиръ гди є Госп. Ђорђа усреди доле высока штала, горе таванъ, друга половина има две старе зграде, у єдной коюнциница олова, єдна кола, подъ коіомъ арестъ, ту ноћисмо, састасмосе Гос. Базрђанбашомъ Іовомъ Раичемъ кои є очекивао насъ за одговоръ у молдавіи, мы га познасмо, 9 Юніа дошли су хабри да су се Карановцы затворили и да су се потукли; 9 Турака а 3 Срба пало. Дошла су писма изъ Влашке одъ Влахобега явля да су наши посли срећно нѣму дошли, предъ ньимъ тайно показали прошеніе и онъ се весели, одправіо ихъ є таки Проту изъ Шопића Іовановића, и Стефана Живковича пишу да є и Генералъ Конзулъ дошао тога ради у Београду да може явити народу и своимъ. —Писма пише послали су у Петерсбургъ Государу и Императору, одъ мене и Цариградская иште новаца. На вечери овога дана Госп. Ђорђе лепо насъ угости, и ту изъ уста єго слушамъ начало востанія Сербовъ. Пришедше къ немъ Турки да га сѣку као и друте, онъ ихъ растера, побегне сазове Станоя и првый данъ ньи 4 была 3 данъ 9 а 7 данъ 300 а 10 данъ 2000 скупише се говорећи: „ако намъ є силомъ гинути, нека сви угомили изгинемо“ потомъ визитира момке, пушка у многи празна была и ни єданъ фишекъ и многи фишекъ

у пушцы нећу пуцати, докъ не дођешъ и убити узможешъ сигурно, онда ихъ распусти, но да су готови, кадъ ихъ позове, распусти зато да Турцы децу не поробе, онда чувши да сви устаю, потера све, а кои ніе хотео, нѣму Турчина обеси на врати, онда што више село глобе, сви устали.

Дочекасмо Кнеза Симу и Янка съ войскомъ, 11 дадосмо съ неколико момака а пешаке, послалисмо напредъ ручаше и после ручка отидоше. 12 Пођосмо я, Госп. Прота и Госп. Ђорђе и прочи нѣгови съ момцы коняницы къ логору, у єдной ливади, после подне у Ясеницы а потомъ пођисмо и за 2 сата стигосмо у логоръ, одкуду предъ насъ два священа лица съ чутурама изашла, савъ є логоръ у паради стаяо, ту смо цело вече были, гайде свирале, момцы играли. 13. Кренемосе са свимъ логоромъ рано, добошъ насъ пробуди, послати напредъ пешацы, а мы за ньима и дођосмо на конакъ на Груну (рѣку) доста рано око подне и ту целъ данъ бысмо раке ватасмо и ноћисмо. 15. Рано пођосмо съ места и добри 6 сати узаманце яшисмо крозъ шуму крозъ тесне путове и блатне и журне, дођосмо у логоръ Станоевъ (Главаша ту є великъ логоръ быо, ту є преко брда Морава рѣка и башъ у брегу Мораве лепа ладна чесма) Вербица, ту самь сладоспо 1 сатъ провео Мораву и полѣ преко нѣ мотрећи. Ту ручасмо кодъ Кнеза Симе а послѣ два сата одмора одосмо далѣ узъ Мораву). Ту се Морава

Савія на ключъ) идосмо преко зелены брда и богаза и дођосмо у вече на брегъ узвышеный Мораве противъ Карановца) ово є цѣль нашегъ пута и ту постависмо нашъ главный квартиръ.

16. Творише Кнезови договоръ и чекаше Капетана Радича, кои є овде обсажденіе приправляо и Проту Драговчанскогъ (Ужичке Нахіе) между тѣмъ припарава се чинила.

17. Послѣ тогъ дана кренуосе Радичъ съ войскомъ съ оне стране Мораве, удари на стражу Турску и растера, и мутавція комендантъ ужичке Нахіе убіо є єднога Турчина, на гласъ овы пушака подигнесе савъ логоръ и прѣђе преко Мораве. Првый, кои є на наше предходяще вожде случайно ударіо, био є Гуро Турчинъ (овай є найболыій юнакъ и на гласу делія у Карановцы) ту му коня и Гуру убію, главу одсеку и донесу на брегъ, послѣ тога увате на полю говеда, дотераю єдну црну краву, овой крави обесе на рогъ главу Гурину и пусте натрагъ; кажу, да, кадъ є крава съ главомъ дошла у Карановце, ту су се подсмевали, говорећи: ао мой Гуро! заръ ти се Хатъ на гальуку преокренуо. Доцели су оружіе пѣгово и седло и само се другой показало войсцы, пакъ се вратило, а предъ вече смо пренели и главный квартиръ преко Мораве и ту на брегу десно Мораве ноћисмо. Богу се молисмо, ручасмо и послѣ полъ дана начася обсажденіе Карановца.

ОБСАЖДЕНІЕ КАРАНОВЦА.

Начася 18 Юнія по полъ дана. Ту быва одъ по-главара Госп. Георгій Петровићъ, Іанко Катићъ, Сима Марковићъ, Васа Чарапићъ, Ћуша Станое Главашъ, Капетанъ Радићъ (овай є обсажденіе располагао). Младенъ, прота Драговачкій и Валѣвскій, Лаза Мутавціа, Прота Крагуевачкій и Ягодинскій, калуђера и попова доста. Войске было є до 6000 по моему расположенію, измежду коихъ 1000 коњника.

Све у паради приближавамо се граду и начаша єднимъ топомъ бомбардирати. Турцы су се врло тврдо обкопали и бранили се храбро, потомъ избѣгли и єданъ єу твердый край и прочу часть вароши оставили нашимъ Инсургентомъ на плѣнъ и грабленіе, ноћь є сію цѣлу траяло пуцанѣ са обе стране, варошь є попалѣна сва кромѣ крѣпости, и цѣлу ноћь было є нашимъ посла. Начиняюћу 19 дне Юнія у Понедельникъ у ютру обновилосе таки пушкаранѣ и траяло живо до полъ дана. Послѣ полъ дана опредѣливало се съ наше стране Юришъ на метеризе Турске, но пре него нѣга опишемъ, треба намъ мѣсто и положеніе Карановца знати. Карановацъ лежи у лепой пріатной на три стране ½ протяженой равницы одъ Востока подобро на єданъ сатъ идесе полѣмъ и ливадама къ Морави, одъ Сѣвера има Ибаръ рѣчица, коя се ту слива у Мораву. Ибаръ є дубокъ и хитаръ потокъ и тако одъ сѣверне стране Ибаръ ю окружава, а съ десне стране Ибра лепи су Воћнацы на бреговы

и ту є была Бусія Драгоевачка. Близу Карановца само преко Ибра, одъ запада у Ужичкой нахіи до брега два сата. Послѣ полъ дана начася юришъ на третій ударь топа, заче се одъ свію страна ватра, ударише на юришъ, но не могоше шаранповъ одузети, Турака много пало а нашы 15 мртвы и до 30 ранѣны, потоме вратимосе, киша є предложенія юриша прекратила, коя є одъ полъ дана до ноћи и целу ноћь лила была. Карађорђе потомъ къ вечеру призва ближе вароши свое шаторе . . . . . и ту ноћь остасмо сви мокри; у полъ ноћи остависмо Карановацъ и єго близкое паденіе и вратимо се мокри и озебли преко Мораве у старый квартиръ.

20. Юнія съ лѣве стране Мораве у логору почину смо, пушке оправисмо, послѣ полъ дана са неколико коняника оде Карађорђе преко Мораве, нађоше Турке на полю и два убише а нашъ ни єданъ не ранисе.

21. Юнія оде Г. Карађорђе у Тополу по џебану и єданъ попъ, остави заповесть да се ништа не опраща Карановчаномъ, да отима тко шта може и да се пале воденице, пре смо хотѣли съ лепымъ начиномъ и одъ плячке уздржавали смо се, а садъ што тко уплѣни, то є нѣгово. После полъ дана отиде Радичъ къ Драгоевчаномъ за обновити обсажденіе.

22. Продолжися приправленіе къ осажденію ближшему.

23. У ве че попалѣне су воденице турске на Ибру

24: Дошао є Хаберъ одъ Капетана паше да се на Пазарини Турцы пропусте съ женомъ и децомъ и препоручуе да чекамо царево расположеніе.

25. Послаше наши Карановчаномъ утѣснѣнымъ гласъ, да ій хоћеду на веру пропустити.

26. Дође Г: Карађорђе по великой киши у логоръ и съ ньимъ єданъ топъ отъ 6 фунти и барякъ и добоши. После полъ дана дошли су турцы, изъ Карановца 1 и 2 изъ Пазара и уговаралисе за исходъ — Наши искаше цѣну пропущенія 15 коня, но они не могоше обећати него вратишесе да друге пытаю у вароши.

27. Турцы гласоноше дођоше, са одговоромъ да они коня неймаю, него моле, да се и онако на веру пропусте, и Г. изъ своега великодушія дозволи, — овай данъ весело бы вече у логору и дошао є Махмедъ ага изъ Валѣва са своими.

28. Уговоръ свръши се да на Петровъ данъ рано Турцы изиђу Господару Ђорђи. Турцы хата на поклопъ доведоше и нѣгову шишану, коя я у ноћи 20. дна кодъ Карановца остала и уговорисмо да Турцы сви иду, да наши 50 момака ихъ до Курилова прати-.

29. Рано устасмо, кадъ се пробуди лепъ данъ али єще лепшій логоръ, свудъ ватре горау, свудъ се яганьцы пеку, све є весело. Онда удари добошъ на

молитву и сви се скупимо и Богу се молимо, а после молитве єдноме попу изъ Пазарске Нахіе, кои є Турску у Карановцу нашо кньигу намъ непріятну, предъ цѣлымъ вилаетомъ ударише 25 батина. Біо га є прота Ягодинскій и єще єданъ попъ; онда ручасмо, у славу писмо и пуцасмо; кадъ видимо, да се Турцы преко Ибра измакоше, а мы онда сви преко Мораве и дођосмо у Карановацъ око 9 сатій ютра. Попалисмо све, само џамія. — У Карановцу было є 700 кућа, садъ нема ни єдна, него све са земльомъ сравнѣно.—Турцы су мирно отишли. Послѣ тога вратисмосе у Хаикъ квартиръ, и ту за побѣду Богу благодарисмо и за здравлѣ писмо и ноћисмо; а

30. Нонія около 10 сатій савъ се логоръ крену, и идосмо по великой киши 2 сата планиномъ, и онда се съ протомъ и съ попомъ Павломъ изъ Врела растадосмо, они одоше къ Ужицама, а мы куѣи свакъ своіой, а я самъ узъ топъ у Палежъ.

1. Нолія цѣлъ данъ путовасмо по киши, растасмо се съ Г. Ђорђемъ, и я съ Г. Симомъ Кнезомъ ноћи у Вербицы лѣпомъ селу.

2. Нолія крозъ Раниловиче и Сибницу лѣпа села дођосмо у Боракъ Симино село, на добромъ мѣсту, ту ужинасмо и напіемо се поштено, три топа Г. Сима избацы, кућа му є лѣпо уређена, познає се на млађима, да є старешина правый Србинъ; оданде 1½ сата идући дођосмо у Вранићe кући Павла Поповића и

попа Димитрія; красни люди, я васъ лако заборавити нећу, ту я и Госп. Веса изъ Любинића нашъ Капетанъ и топъ уквартирисмосе, а други наши до 100 момака поделише у село гдѣ два гдѣ три; описати се не може, како є насъ ово село лѣпо дочекало. Селяцы сами долазили и молили себи на квартиръ као браћу утруђену и заслужену. Сутра кадъ пођосмо, свакій є добро село благосиляо. Таково є село, кадъ добра, паметна и радина Кнеза има, и поглавара како што є Сима и Павле.

3. Юлія послѣ ранiє пођосмо къ Палежу, два сата далеко, ту дођосмо, ручасмо у меяни, а я писа Г. Архимандриту Петровићу у писму Г. Капетана Закића, и описао самь му на кратко бой Карановачкій преко попа Марка у Остружницы. После подне крепемо се и идосмо до Звечке 2 сата, до Гралѣвца 1, до Любинића 3, свега 6 сати до куће Госп. Весе, ту насъ лѣпо дочека Г. Веса и угости, сутра ручасмо, и мене попъ Янко показа путъ у Таково ¾ сата одъ Любинића, у Таково самь дошао самъ на коню попу Петру, нѣму самь се казао тко самь, загрліо ме и полюбіо као свога човека, кодъ нѣга самь провео и овай данъ и 4-тый пріятно у свакоякомъ разговору, онъ прелѣпо дочекао и изпратіо и дао ми єдне чарапе (то є овдѣ знакъ особите любови и пріятельства).

5. Юлія. По ручку раставившисе съ попомъ Петромъ пођемъ Врелу, моіой милой дѣдовини, и до-

ћемъ къ Іоксиму, и ту се съ ньима излюби, кодъ куће бияше Лаза, и Іосимъ, и Іосимова жена Ана и Павлова жена Ерина, и 4 дѣце Іосимови 1 дѣвойчица лепа Аница и мати Тодора. Ту са Симомъ многій разговоръ бы, и писе за здравлѣ свію; ту самь провео у лѣпомъ одмору и дружству 6-огъ, 7. и 8-огъ.

9. Юлія идо у Врелску цркву, ту є био попъ Бранко и Янко изъ Любинића, попъ Павле изъ Врела, Г. Веса а и Іосимъ црновлянъ, цркву лѣпшу у Србіи видіо нисамь одъ Врелске и лѣпу кућу кодъ цркве за приходнике. Ту ми говорише, да будемъ магистеръ, и да бы самь само моме услажденію и срца зактеваню слѣдовати могао, то бы самь воистину учиніо, тако є лѣпо мѣсто и пріятно Врело. Ту ми стиже кньига одъ проте, да што брже у Бранковину идемъ, и я таки послѣ полъ дана съ Іосимомъ сѣдавши дођо у Бранковину послѣ 4 сата пута. Господаръ Яковъ отишао бы са своіомъ войскомъ на Ужицу.

10. Юлія оде Г. Прота на Остружницу и у Земунъ заради цебане и другій потребны стварій, а я оста дома управляюћи кньиге куда надлежитъ. 11. Юлія 1805.

Ово сведочимо да є писато рукомъ почившега Боже Груевића у Руми роћена а бывшегъ у рускомъ Архову Професcора, а у Србіи у првомъ Савѣту народа Србскаго секретаромъ.

Матей Ненадовићъ Протоп.

ЗА ПАМЯТЬ.

Свака Нахія да избере єдногъ разумна честна и заслужна мужа, коме послови вилаетски да се препоруче, кои само за вилаетъ живити, бдѣти и радити са своимъ снагомъ да дужанъ буде. Овоме нахія да писмену власть и полномоштіе и ужитакъ опредѣли. 12 нма Нахія, дакле 12 таковы людій поглавиты.

Законъ є воля народна, коя вилаету цѣлому и свакому добро заповѣда и зло запрештава. Првый дакле судія у вилаету єсть законъ; подъ закономъ мораду и господара поглавари, и савѣтъ правит. (обшта Канцеларія), и свящество и воинство, и савъ народъ быти, подъ єднимъ већимъ и тимъ истымъ закономъ; законъ добро заслужене да награди, а зле, непокорне, леньиве у служби да каштигуе, зато законъ разуманъ и праведанъ быти мора.

Ови дванайсть да се скупе и да седе уєдноме мѣсту (за садъ у каковомъ манастиру, на пр. у Боговаћи) овы 12 да управляю народомъ цѣлымъ, и послове вилаетске да међу собомъ раздѣле, измећу себе да изберу поглавара за месецъ дана, другій месецъ другога и тако далѣ. Поглаварь или предсѣдатель быће првый у совѣту, што совѣтъ опредѣли да испуни, заповести подъ своимъ именемъ да дає у совѣтъ, да првый седи, да се поштує као отацъ одъ другій со-

вѣтника, а када се совѣтницы заєдно не сложе, онъ половини єдной право дати може.

Добро бы было и весма нуждно, да єданъ господаръ предсѣдатель буде, у нѣговомъ отсуствію, да онай мѣсечный буде. (Съ начала баремъ 3 господара ближня да дођу и овай савѣтъ у име цѣлога народа да отворе). Ови 12 составляће Началный Правителствующій Совѣтъ Народный; ови између себе да изберу нѣколико найспособніи за веденіе дѣлъ. Како ти:

1. Єданъ да носи бригу за войну, и звањесе Военый Попечитель; овога ће дужность быти за муницію и за оружіе бригу имати; т. є. за барутъ, олово, пушке, топове, пиштолѣ, саблѣ, ножеве и раану. Овай да мора добро знати воинствена дѣла, и нѣму што годь на войски быва, да се являти има. Овай да мотри да су млађи старіимъ покорни, да у войсцы редъ буде, и да буде войничкій судія.

2. Другій да носи бригу за хазну вилаєтску, и звањесе Попечитель хазне или Кассе Вилаєтске. Овога ће дужность быти, кассу вилаєтску вѣрно чувати, новце одъ Госп. Кнезова народны на рачунъ примати, и трошакъ кудъ треба давати и зато цѣлому вилаету одговарати мора. Овай да мотри на скеле, на аренду, на арачъ, порезъ и све приходе и расходе народнѣ.

3. Третій да носи бригу за судъ вилаетскій, и тай ће се звати Великій Судія, овай ће мотрити судилисе по закону, и тужбе вилаетске примати, и велике кривнѣ коѳ смртну каштигу заслужую, расправляти.

4. Четвртый да носи бригу за священство и просвѣщеніе вилаетско (ово лице мора поглавитый священикъ быти) и звађесе Попечитель просвѣщенія и священства. Овай да мотри на редъ священиковъ совершиваю ли дужность; подъ њимъ да буду манастири, цркве, школе, и учитељи, и све што къ воспитанію треба, онъ учене люде да иззыва, цркве да прави, школи и владикамъ за поповство младиће да представля.

5. Петый да носи бригу за корреспонденцію са внѣшњими дворовы (и звађесе Попечитель иностранны дѣла), овога ће дужность быти писма одъ другы царства примати, совѣтовати се са совѣтомъ вилаетскимъ тайнымъ, и одговарати и политику народню добро водити, у сосѣданію секретаръ быти.

6. Шестый да има бригу носити за внутреный миръ у вилаету (полиције), и за добаръ редъ, онъ ће се звати Попечитель мира, реда и трудолюбія. Овай мора прилѣжный домаћинъ быти, онъ мора пазити да хајдука не буде, мотрити мора на лѣнивце, на зле люде, на шпіоне и бринутисе, да се по вилаету свуда ради.

Остали 6 да су у свему савѣтницы и кромѣ тога свакій одъ своє нахіє пуедставитель (Репрезентантъ) да буде; и што годь у нахіи быва, да има совѣту сообщити.

Совѣтъ да има свой печатъ народный, кои свагда да буде кодъ предсѣдателя временаго и секретара народня.

Свакій совѣтникъ и предсѣдатель, да при вступленіи у должность закунесе вилаету, да ѣе право и прилѣжно своя дѣла совршавати; и совѣтникъ послѣ године дана, а предсѣдатель по истеченіи свога предсѣдательства да рачуни шта є добро за вилаетъ урадіо, и како є дужность испуніо.

У почетку єданъ може и две дужности испуняват, како ти 1-ву и 6-ту єданъ 3 и 4 заєдно, и тако бы четыри попечителя была, будући да се у овомъ совѣту правителствующему найважнія дѣла вилаетска совершивати. Више подчинѣни дѣлателя треба, како писара, кньигоноша, и нѣколико момака кои се тражити буду.

Нису они законъ знали, законъ велимъ грађанскій. Законъ є вилаету то, што є єдномъ човеку раана, пиће, воздухъ, одѣло и кућа, т. є. како човекъ раане и пића, и прочегъ нема умрети мора, тако и вилаетъ безъ закона мора да пропадне, да опетъ у робство дође и да се са свимъ растргне и

погине. Но законъ тако као и раана мора добаръ бы-ти, а како ћемо мы тай добаръ законъ направити? подъ коимъ ће вилаетъ честитъ и срећанъ быти, крѣпко и тврдо стояти, и одъ колена на колено сла-вный и честитый быти? На 1-во пытанѣ треба паметно да одговоримо, єрбо одъ овога и срећа и несрећа народа зависи.

Ово насъ и срце и душа найболѣ научити може. Чему є свакій разуманъ, честанъ и поштенъ човекъ покоранъ? и што онъ до смрти своє слушати жели; свакій ће рећи: я самь покоранъ разуму и правди, ове ћу до смрти моє и гладанъ и жеданъ, и го и босъ вѣрно слушати.

Свакій ово човекъ, свака жена и дѣте говори у срцу своме „заповѣдай ми разумно и твори ми пра-вду, пакъ ћу у нужди за те и крвь мою пролити. Може ли штогодь на свѣту лѣпше, слађе и миліе быти, него кадъ и кривацъ осуђеный рекне своме су-діи: „Ты си ми разумно и праведно судіо, сваку ћу каштигу я радо претрпѣти.

Разумъ дакле и правда єсу две половине сва-когъ благополучія; гдѣ разума и правде нема, ту не-ма закона. Мы да подигнемо и добро утврдимо у Ср-біи ова два града разумъ и правду, да ій укрѣ-пимо цѣломъ нашомъ снагомъ, да се свака сила и снага ньима покори. А овай мудрый и праведный за-

конъ, да намъ првый Господаръ и заповѣдникъ буде, онъ да заповѣди Господаромъ, Войводамъ, Священству, Владыкама и свакому маломъ и великомъ, онъ ће намъ бранити и слободу и сталность сачувати. Гди є добра Конституція, т. є. гди є добро установленіе закона и гди є добро уређена власть подъ закономъ, ту є слобода, ту є волность. А гди єданъ или више по своіой вольи заповедаю, законъ не слушаю, но оно што хоћеду чине, ту є умро вилаетъ, ту нема слободе, нема сигурности нема добра, већъ є онде пустаилукъ и хайдуклукъ само подъ другимъ именомъ. — Т. є. нитко у народу да нема власти ни найманѣму сиромаху зла чинити, а особито онай, кога є народъ за судію и заповедника избрао, не само да не сме ни найманѣ зло учинити, него да мора у свакой прилики добро учинити, иначе бо ніе достоянъ судія и поглаваръ быти.— Прва є дужность поглавара старати се да є у Вилаету свакій сигуранъ за себе, за животъ свой, за децу и жену свою за домъ и имѣніе и за честь свою.

Сигурность живота, имѣнія и чести свакій, да, и оно дете, кое се єще родило ніе, ище одъ заповѣдника, и ако поглаваръ ньима свима животъ и имѣніе и честь сачувати неће или не може, ніе достоянъ поглаваръ быти.

Втора дужность поглавара єсть о слободи неосвобождене и слободу Вилаетску сачувати; єрбо

намъ є у слободи двапутъ міо и слободанъ животъ. Слобода насъ разлучава одъ зверова, и робъ є гори одъ звера, єрбо човеку робу оно се одузима, што га чини човекомъ. Болѣ є неживитъ него у поганомъ робству быти. — Слобода, слобода насъ людма чини — слобода и волность дае войнику якостъ, войводамъ и поглаваромъ мудростъ и правосудіе, она старешинама дае любезно къ млађимъ отеческо срце, она свящество просвѣщава и руке ньіове на благословеніе слободнога стада свога воздвиже.

Слобода Совѣтъ народный умудрава, слобода свакога обогащава, слобода орача у полю, пастыра кодъ стоке, путника на путу, войника на войсцы и домаћина кодъ куће своє весели и утѣшава и міо му животъ чини. У слободной земльи и полѣ болѣ роди и марва болѣ се плоди и лепъ се лебъ єде, и добро віно піе. — Єдномъ речію гди ніе слободе, ту нема живота.

1. За садъ писара другій не можемо имати развѣ кои су кодъ насъ, т. є. неколико священика млады, кои поболѣ знаду писмо. А може се и єдна школа таки спочетка у манастиру завести, у коей да Секретаръ приправи магистере и священике оне, за политичка дѣла.

Треба послѣ за ову канцеларію све приправити, како ти хартіе, маказе, воска червена, мастила, пера

и прочы малы стварій (за ове ствари бригу треба дати єдноме Совѣтнику, кои ће быти єкономъ канцеларіе).

2. Кньигоноша мора быти повише на пр. 10, овымъ да се плаћа опредѣли сходна (за овай су посо млади люди найбольи, но треба ій оштро држати и заклети).

3. Што се страже святилища овога народнѣга тыче, добро бы было, да булюкбаша са своимъ момцыма редомъ амо долазити опредѣлито, садъ за 15 дана, єданъ на другій и тако далѣ, и то изъ ближи нахія редомъ, какоти изъ Валѣвске, Шабачке, Београдске и Рудничке, момцы ови, докъ су овди да се мало по мало єкзерциру уче (види се, да мора механа быти, онай, кои ову механу подъ аренду узме, мора се обвезати, да ће свагда пића и єла добра уготовити има) Ова механа може велику хасну вилаету чинити, зато се мора сходна направити и неколико соба имати. (За отмѣне госте мора у манастиру лепо уређене две три собе держати се).

Што се тыче раане, питія, сена и єчма за Совѣтнике и ньове конѣ и люде зато се мора съ почетка Игуманъ манастирскій бринути; докъ се и тому єданъ єкономъ народный не опредѣли. (У манастиру свакій данъ Божія служба и летургія служи).

Єданъ калуђеръ да има бригу да се савъ манастиръ и собе и Порта у наполю у чистоћи држи.

И ово сведочимъ, да су сви ово 12 листића писати рукомъ Теодора Филиповића у Србіи прозваного Боже Груевића многозаслужногъ мужа и секретара прваго Совѣта Сербскаго почетога 1805 Године 15 Августа.

МАТЕЙ НЕНАДОВИЋЪ, ПР.

Благородный Господине Прото Матеа Ненадовићу и Господару Војвода Петре Молеру Николаєвићу здравствуйте о Господѣ на многа лѣта, и примите наше любезно и плачевно цѣлованіє.

Мы овде подписати у име свега уднога народа Србскога, коме ћемо знати шта писати, ако вама двоицы нећемо, кои све знате ядно станѣ наше шта смо претрпѣли и шта садъ трпимо, одъ проклеты лавовы уста двоглави обзинути, кои намъ веће додіяти не даду, глобе велике не изказате, зулумъ неотерпимъ, страхъ и трепетъ у стару и младу, кадъ ћемо сви быти посѣчени одъ лютога меча Турскога и садъ данакъ порезаше безъ броя, кои нигда издати не можемо, онако надрти попалѣни, него морамо удну дѣцу продавати, у кога пређе пороблѣне нису, те ово исплаћивати, за коє смо се садъ и посастаяли, порезу разрезати, а другоячіє небы се смѣли нигда ни са-

стати, зато овомъ приликомъ вама обоицы пишемо, а вы можете и трећемъ, комъ одъ нашій треба сообштити, и великимъ васъ Богомъ Саваотомъ заклинѣмо, да намъ истину явите, є ли наше сунце одъ востока и наша велика надежда сасвимъ угасиласе, и є ли насъ великій Царъ нашъ Александеръ сасвимъ оставіо, є ли се насъ нашъ Царъ сасвимъ одрекао, є ли царъ нашъ, жалостный и нуждный и никадъ неутѣшимый єдиновѣрный родъ свой Турцыма и њіовому скверномъ оптару и преисподнѣмъ грлу на жертву поклоніо, є ли нашъ царъ съ Турчиномъ миръ учиніо на 40 година, како овде Турцы нама казую; ахъ горе намъ, горе намъ оставлѣнимъ подъ найжесточайшимъ мучителѣмъ на свѣту, да и остатокъ Србаля до конца истребленi будемо. Господине Прото, камо прва обећаня нашега цара, кадъ си найпре изъ Петробурга дошао у почетку краине наше, и нама постаримъ потайно казывао, да мы имамо нашегъ христіанскогъ Цара Великогъ Александра, кои ће насъ скоро избавити и своимъ криломъ покрыти, управляти и нама судити, а неће насъ — — а некмоли проклети Турцы, и мы смо све то ядни вѣровали, и подъ истомъ надеждомъ живили и крѣпилисе, себе и дѣцу свою на жертву давали, коє смо после и сви явно освѣдочени, чрезъ царске посланике, ђенерале, Господина Родофиника и Недобу, кои су у Бѣограду седили,

ков смо гледали како самогъ Цара нашегъ Александра, и као сунце са небеса, пакъ се осведочени чрезъ Господина Архимандрита Филиповића Россійскогъ Кавалѣра, и после осведочени чрезъ Г. Архімандрита Студеничкогъ Господина Мелентію Никшића, кои є и онъ био у Петробургу и царска намъ обећанія изъ уста казывао, и увѣрени чрезъ Генерала Ивелића у манастиру Враћевшницы на врачару предъ свимъ войводамъ и войницыма собранимъ, и нѣгове у име цара заклетве, да насъ Россія оставити неће, и чрезъ крестова и ордена наши бывшій старешина на персима истимъ Г. Ивелићемъ донети, и друге многе неизказате свѣдочбе сасвимъ смо были сви увѣрени, да Србія ніє Србія већъ нова Россія, коє су и сами Турцы и Нѣмцы признавали, и насъ московима звали у време среће наше, а садъ намъ се поругаваю и зову насъ яловимъ московима, а нама ніє познато зашто насъ царъ нашъ овако остави или сви горепоменути казиваоцы и наше бывше старешине насъ вараше, или су они томе и криви, те насъ великій нашъ Царь остави и на жертву богохулнику поклони, мы народъ предъ Богомъ и предъ свимъ светомъ невини, — зато вама ово пишемо, ако су бывше старешине нѣке нѣкудъ и отерате, како чуємо валяда су ій криве нашли, а вы фала Богу ниете, єръ знамо да се ниете замѣрили, ни кодъ цара ни кодъ народа, вама є сло-

бодно у име сиротинѣ иѣи цару и просити, камо студеничкій Архимандритъ Мелентіє, камо Стеванъ Живковићъ, камо Миленко Стойковићъ и Петаръ Теодоровићъ Добрняцъ гдѣ су, зашто се и опетъ не трудите, трошка ако немате, пѣшке зашто не идете и леба не просите, докъ до цара дођете, на путу умрите одъ глади, и мы браћа ваша и родъ умиремо свакій минутъ одъ страха и зулума по путови, мы на васъ уздамо се да ћете вы соєднити сузе ваше са сузама нашима, и да ћете непрестанно умывати ноге и престолъ Цара нашега Александра и наше велике надежде Руссіе и духа коиме іоште єдва дышемо, коє чуємо да є и туђе народе многе избавіо одъ зулума диго и прославіо, нека и насъ избави одъ овога нестерпимога ига, нека изліє милость и славу свою, коіомъ га є вышня десница прославила, и насъ єдиновѣрный и єдинокровный убогій народъ свой што скоріє да до конца не будемо изтреблѣни, да у страху сви вообще вѣру свою као Босна и Вукъ Бранковићъ Богомрзску Турску непріймисмо, зато отиђите, просите и видите, єсмо ли сасвимъ одъ нашего Цара оставлѣни, дођите и кажите намъ истину кою одъ васъ чекамо; тако вамъ великога Бога и Христова страшнаго второга пришествія и суда, ако не одете и не дођете скоро да намъ истину кажете, то сви одъ малогъ до великогъ ваши соперницы будемо на стра-

шномъ суду Божіемъ, опетъ васъ съ горкимъ сузама поздравлямо и заклипѣмо у име све сиротинѣ.

У Топчидеру Августа 8. дана 1814. года.

(М. П.) Милошъ Обреновићъ, Войвода бывшій Рудничкій.
(М. П.) Кнезъ Аксентіе Миладиновићъ Беотрад.
(М. П.) Кнезъ Радованъ Грбовићъ Валѣвскій.
(М. П.) Кнезъ Василіе Іовановићъ Ужичкій.
(М. П.) Лазаръ Мутанъ, Войвода.
(М. П.) Милованъ Тадићъ, Войвода.
(М. П.) Панто илићъ, Капетанъ Соколскій.
(М. П.) Арсеніе Лошо, Войвода,
(М. Р.) Василъ Павловићъ, Капетанъ.
(М. П.) Георгіе Лазаревићъ, Шабачкій Капет.
(М. П.) Милићъ Дринчићъ, Войвода.

Всемилостивѣйшій Государь!

Колико страданій и мученій претрпѣлъ несчастный народъ Сербскій послѣ паденія своего въ новъ подъ тяжкое иго Агарянское Вашему Императорскому Величеству, не безъ извѣстно.

Какъ подъ главнымъ вашего Императорскаго величества покровительствомъ единовѣрный родъ вашъ страждетъ, бывши сербскія чиновники священники и простія Всероссиско-Императорскому Величеству Вашему приверженія, по десять и по четиридесять. Турки на Колъ нагіали, и ни столѣтнія старцы юнія дѣти нещадѣли но мечу и робству неизчислимо ихъ предавали, монастири и храми святія изъ основанія разорали, мужескія осмолѣтнія дѣти въ наложничество яко дѣвъ употреблявали, и одъ Христіанъ Махомедани обрѣзали или лучше сказати злаго-рукъ нашею мы посовѣту покинувъсъ нуждѣ временъ. Мы по совѣту доброжелателнихъ и сострадателнихъ сердецъ непрестовали, чрезъ посланія внушатъ со отчичамъ нашимъ, да бы крѣпилъ съ по-

єликѣ возможно страдалися свѣческій смягчать
яростъ мѣчителей своихъ и сносили съ терпѣніемъ
до дня спасенїя нами чаемаго отъ Росіи.

Но все всуе, ничто не могло тронуть окаменѣ-
ное сердце тиранова, но захотѣли три тысящи най-
лучшихъ Сербовъ и мечемъ погубить записали. Ви-
дѣвши сїя Сербскій народъ пришедъ всесовершеное
отчаяніе, и небудучи силахъ далѣ сносить чи-
нимихъ оному неизказанихъ мученій принужденъ
былъ и по лѣсамъ разбѣглися, и отъ три тисящи
и болше число устрашенихъ къ числу осужденихъ
прибѣгло; да и новъ весь народъ восталъ и рѣшили
ся вси погибнути єдиножди и тѣмъ положить
конецъ страданїямъ своимъ.

Вся сїя прочая недобоисписаная и недобо
стерпимая тиранства ко истребленїю имене Серб-
скаго клонящася дерзостне насъ творятъ и паки у
име народа цѣлаго Сербскаго съ присягою насъ по-
славшаго, предъ освященимъ стопамъ Вашего Им-
ператорскаго Величества, ницъ повергаемся и слезамъ
изъ шесть сотъ тысящъ обоего пола Сербскихъ жа-
лостнѣйшихъ глазъ текущихъ престолъ освященый
Ноги Вашего Императорскаго Величества обливаемъ,
подножїе цѣлуемъ! плачемъ и вопїемъ! помилуй-
ме Всемилостивѣйшїй Монархъ! помилуйте горцѣ
страждущїй народъ свой! искупите, защитите силу

данномъ сватомъ много и разнокидно потвержденомъ слов! помилуйте народъ Сербскій котори внесумнителной надежде славнаго своего ослобожденїя, къ Россїйско-Императорскомъ Вашемъ престолъ приверженъ былъ, и не взиралъ на инаа щастїа хотя имала бы была, еже бы на разновидное позиканїе некоторихъ слѣдовалъ.

Нынѣ народъ горко страждущїй посредствомъ насъ сослезами просимъ и вопїемъ Богу и Вашему Величеству покровителю своему, не отрецыте помощи и покрова бѣдно и неправедно погибающему народу, скоро истребленъ хотящему быти.

Ежели иначе обстоятельства нынѣ недозволяютъ, поне съ Высочайшими союзницы Вашего Императорскаго Величества кодъ Султана задѣлате что бы како одъ Султана тако и одъ Вашего Императорскаго Величества и одъ прочихъ союзниковъ Вашихъ единъ коммїссїю въ Сербїи для помиренїя Сербовъ съ Турками прислатъ благоизволили.

Между тѣмъ создѣшнимъ двором задѣлатъ, чтобы тайнимъ образомъ крашна оружїа и прочихъ ко обраненїю потребъ намъ за денги куповатъ допустилъ.

А отъ Вашего Императорскаго Величества нато нуждніа денги сооднимъ Вашимъ тайнимъ посланикомъ подарити милостиво благоизволили.

За сїя и прочая Всемилостивѣйше просимъ, что бы Вашего Императорскаго Величества на наше праведно прошенїе удостоитися сея Высочайшїя милости скоро ожидаемо.

У Вѣнѣ 28. Априла 1815 года.

Вашего Императорскаго Величества

Всепредамѣйшїй

Протоерей Матей Ненадовикъ.

Г. Г. ПРЕДПЛАТНИЦЫ:

АРАДЪ.

Высокопр. Г. Прокопіе Ивачковићъ Епіскопъ Арадскій. — Бл. Г. Гавр. Янковићъ, Среза Судія. — Бл. Г. Георгіе Секулићъ, изслуж. Сенаторъ. — Бл. Г. Іо. Крестићъ, Медіц. Докторъ. — Бл. Г. Іо. Петровићъ, Сенаторъ и Общт. Србског. Предсѣдатель. — Бл. Г. Андр. Станковићъ, Кассаперц. — Бл. Г. Арс. Михаиловићъ, Адвок. — Почт. Г. Конст. Станковићъ, Избраный общт. Членъ. — Почт. Г. Лазаръ Сечанскій, Избраный общт. Членъ. — Почт. Г. Пет. Николићъ, Избраный общт. Членъ. — Цочт. Г. Міх. Петровићъ, Избраный общт. Членъ. — Бл. Г. Петр. Петровићъ, Тек. Завед. Адвокатъ и Скупитель Предпл. 12.

БАЙША.

Бл. Г. Георгій Зако землѣдр. одъ Байше. 1.

БЕОГРАДЪ СРБ.

Нѣгова Свѣтлость Милостивѣйшій Господаръ и Князъ Србскй, Александеръ Карађорђевићъ. — Нѣгово Высокопреосвященство, Высокодостойнѣйшій Господинъ Петаръ Іоано-

вићъ, Архіепископъ Београдскій и Митрополитъ Србскій, Кавалѣр. — Высокородна ГГ. Стеф. Стефановићъ предсѣдатель совѣта, Генералъ-Маіоръ, Кавалѣръ. — Иліа Гарашанинъ, Пенсіонеръ. — Єфремъ Ненадовићъ, Совѣтникъ, Подполковникъ, Кавалѣръ. — Лазаръ Арсеновићъ, Совѣтникъ, Кавалѣръ. — Высокоблагородный Г. Іованъ Гавриловићъ Начал. Промы. у Попеч. Фінанціе. — Пречестнѣйша ГГ. Гавріилъ Поповићъ, Архімандритъ обштеж. монаст. Враћевшнице и членъ Архідіецезалне Консисторіе. — Евгеніе Симеоновићъ, Архім. Манасійскій, Професоръ Богословія. — Благородна и Высокоучена ГГ. Миланъ А. Симићъ, Столонач. Попечит. Просвѣшт. — Алекса Вукомановићъ, Професс. Исторіе народа и кньижества Србскогъ при Ліцеуму. — Никола Крестићъ, Проф. у Княж. Срб. Лицеуму. — Димитріе Нешићъ, Професоръ Богословія. — Атанасіе Георгіевићъ, Протоколіста Архідіецезалне Консисторіе, — Читалиште Београдско. — Прав. Бібліотека попеч. просвѣштенія. — Бібліотека Лицеа Кня. Срб. — Г. Матей П. Станићъ Парохъ Шабачкій и Членъ Конс. Шаб. — Г. Мойсило Фейзићъ Надзиратель састанка на Врш. Чуки. — Г. Іованъ Новакъ Инжин. — Живко В. Анѣелипъ ђакъ. — Др. Янко Шафарикъ проф. Срб. Лиц. преч. — Г. Іо. Навловићъ протопр. Шабачкій, членъ Апел. Конз. — Павле Илійћъ, Прав. Апотекар. — Г. Ѳома Живановић, управитель Пошт. кня. Срб. 25.

БЕОГРАДЪ СТОЛНЫЙ.

Преч. Гдинъ Ѳеодоръ Оджићъ Протопресвтеръ окруж. Будимскогъ и честн. Конзист. Буд. присял. 1.

Б Е Ч Ъ.

Высокоуч. Гдинъ Вукъ Стефанъ Караджићъ списатель. Г. Іосифъ Мойсиловићъ великокуп. и Мат. Срб. членъ. 2.

БЕРЕКСО.

Бл. Гдинъ Стеф. Богдановићъ спаил. пуномошти. 1.

БЕЛА ЦЕРКВА.

Пречестн. Гдинъ Софроній Ивачковићъ Протопр. 10.

БУДИМЪ.

Благ. Гдинъ Павелъ Коићъ адвок. Общт. Срб. предсѣд. Мат. Срб. Членъ и редов. предсѣдатель; Благ. Гдинъ Дав. Давидовићъ, Адвокатъ и Секретаръ Мат. Србск. 2.

ИРИГЪ.

Честн. Г. Іос. Горяновићъ Пар. 1.

КАРЛОВАЦЪ.

Пошт. ГГ. Андр. Куниħъ, — Міх. Миличевићъ, — Міх. Мусулинъ, — Вас. Барако, — Петаръ Живоиновићъ, — Дан. Банянинъ, — Народно Читалиште. 7.

КОМЛОШЪ.

Г. Іоаннъ Шинкаій Адв. и Домін. Маріенф. Фішкалъ, — Г. Прокоп. Деаковићъ Маріенф. Домін. Провізоръ. 2.

МЕЛЕНЦЫ.

Пречестн. Гдинъ Павелъ Бибиħъ Парохъ и Протопресв. Намѣстникъ за своє Предплатнике. 6.

МИТРОВИЦА.

Пречестн. Гдинъ Урошъ Милутиновићъ Протопресв. — Г. Макс. Радосављевићъ Трг.

Г. Коста Поповиħъ, купецъ. — Г. Іоанъ Трумиħъ, ц. к. Подпоручикъ. — Петроварадинске Регементе и Ађутантъ. — Г. Александеръ Крстоносиħъ, купецъ. — Г. Георги Костиħъ, купецъ. — Г. Стефанъ Георгіевиħъ Милисавъ. —

Г. Іоанъ Мирићъ, Парохъ Лаћарачкій. — Г. Іоанъ І. Поповићъ, купецъ Митровачкій. — Г. Петаръ Ковачевићъ, Парохъ Шашиначкій. — Г. Димитріе Баракъ, Трговацъ изъ Гргуревца. — Г. Лазаръ Пристойковићъ, Ишпанъ у Чалми. — Г. Коста Георгіевићъ, купецъ. 13.

ОПОВО.

Пречест. Гдинъ Севастіанъ Илијћъ Архімандрітъ. 1.

ОСЕКЪ.

Благ. Г. Георг. Контићъ Обл. Суда Присѣдатель и Чл. Мат. Србск. — Высокоучен. Г. Васіл. Атанасіевићъ Варош. Фізікусъ. 2.

ПАНЧЕВО.

Высокоуч. Г. Кон. Пеичићъ, Др. за Панчовачке Читатель. 20.

ПЕШТА.

Благор. Г. Іоан. Нако отъ В. С. Миклуша Землѣдрж. и Членъ Матиц. Србск. — Г. Алекс. Монастерлій Апелл. Суда Присѣдатель. — Г. Димитр. Іовановићъ Варош. Інжиниръ. — Г. Алек. Войновићъ Адвок. и Членъ Матиц. Србск. — Г. Іоан. Трифуновићъ Тргов. Членъ и Стар. Мат. Србс. — Г. Димит. Велковъ Тргов. и Членъ Мат. Срб. — Г. Петаръ Іоанновићъ Тргов. и Членъ Мат. Србс. — Г. Андр. Кушевићъ Трг. и Членъ Мат. Срб. — Г. Георг. Авакумовићъ Тргов. — Г. Ενθ. Савићъ Тргов. — Г. Димит Илијћъ Тргов. — Г. Іос. Зака Тргов. — Г. Геор. Момировићъ трг. — Г. Анд. Лацковићъ трг. — Г. Пав. Кронићъ Трг. — Г. Арк. Мирковићъ Шеширджіа. — Г. Дим. Стояновићъ Трг. Спомошт. 17.

СИСАКЪ.

Г. Вас. Котуръ трг.

СКРИБЕШЊЕ.

Благ. Г. Пав. Рићичкій Земљдр. отъ Скрибешћа. 1.

СОМБОРЪ.

Преч. Г. Димитр. Поповићъ Парохъ и Намѣстникъ.

СРБСКО-БАНАТ. РЕГІМЕНТА.

Послано изъ Беле Цркве.

Преч. Г. Ал. Павловићъ Парохъ.—Міх. Вуичъ Учит.—Іов. Милосавлевићъ Трг.—Дав. Ђуриничъ Трг. — Геор. Дрударскій Пар. — Ад. Дрударскій Учит. — Лаз. Николићъ Учит. Ѳод. Петровићъ Пар.—Бож. Влахъ Капл.—Дм. Іованов Гефр. Дм. Марковићъ Пар.—Мил. Пантелићъ Фелдв.—Гр. Глишинъ Кап.—Іов. Минна Капл.—Кузм. Пинкулъ Пар. Міх. Грeіонанцу Фелдв.—Геор. Іовановићъ Шум. Надз.— Іо. Зявишићъ Трг.— Авр. Мургулъ Пар.—Дим. Петровићъ Пар. — Пант. Димитровићъ Пар.—Іос. Станићъ Пар. — Сав. Бошковићъ Пар. — Ник. Безенковићъ Пар. — Тим. Лазићъ Учит. — Іос. Димитровићъ Уч.—Том. Драшковићъ Уч. Ал. Давидовићъ Уч.—Сгеф. Болгарићъ Пар.—Вас. Бараевацъ Трг.- Філ. Бошковићъ Пар.— Сав. Коларскій Пар.—Дим. Стоиновъ Тргов. — Тод. Станисављевићъ Трг.—Лук. Вукосављевићъ Уч.—Пав. Вишницкій Уч· —Сав. Докићъ Уч. Ал. Ракичићъ Фелдв.—Ш. Иванковићъ Пар. —Тод. Крстецъ Капл. — Мил. Чабовићъ Пар. — Іо. Младеновићъ Уч.—Сум. Поповићъ Соларь.—Аѳ. Милутиновићъ. Шецм. — Ел. Кошићъ изсл. Капл. — Ат. Докићъ Шецш. — Софр. Секулићъ Мѣст. Пред.—Ал. Николићъ Пар. — Геор. Остоићъ Трг. — Ник. Стойчевићъ Намѣст. — Ник. Шалитраровићъ Уч, = Дим. Драганићъ Пар. — Дим. Богдановићъ Пар. — Кос.

Георгевићъ Пиварь. — Іос. Станковићъ Пар. — Кон. Вунићъ Пар. — Сум. Стефановићъ Пар. — Г. Іо. Янковићъ Пар. — — Пре. Іо. Богдановићъ Пар. — Пет. Обретковићъ Учит. — Пет. Драганъ Лайтн. и Адют. 56.

ТАМИШГРАДЪ.

Высокопреосв. Г. Самуилъ Маширевићъ Епископъ Темишвар., В. Преч. Г. Стеф. Михаловићъ Архім. Мон. Св. Георгіевскогъ; Преч. Васіл. Петровићъ Протодіаконъ Преч. І. Мелет. Дрегићъ Протопр. Темиш. Преч. Г. Светосл. Миленковићъ Пар, Градс. Г. Мат. Гигићъ Тчит. І. кл. Г. Ник. Величко Трг. и Член. М. Срб. Трг. Г. Дим. Ристићъ; Г. Дим. Николићъ; Г. Ник. Живановићъ, изъ Чакова; Г. Кон. Николићъ Сапун. Г. Стеф. Поповићъ Абаджіа. 10.

ТИТЕЛЪ.

Г. Міх. Крестићъ Трговацъ.

ТРІЕСТЪ.

Высокоуч. Г. Димитр. Владисављевићъ Учит., Г. Міх. Вучетићъ Великокуп. и Мат. Срб. Членъ. 2.

ШАРЕНГРАДЪ.

Чест. Г. Веніаминъ Боровцкій Еромонахъ и Пар. Администраторъ.

ЯМИНА.

Чест. Г. Іоаннъ Єврићъ Парохъ. 1.

Инв. бр. 37130

СОДЕРЖАНІЄ.

		Страна.
I.	Слово І. С. Поповићу, о Парастосу, говорено Іованомъ Субботићемъ	3
II.	О Епіскопату Сремскомъ	25
III.	Ђурађъ Бранковићъ, (историчный романъ)	29
IV.	Србски Споменицы	56
V.	Народна Приповѣдка	70
VI.	Стихотворенія, Пѣсне Дра І. Субботића .	81
VII.	Путничка Писма	94
VIII.	Прилози за Історію Народа Србскога . .	118

СОДЕРЖАНІЕ.

Страница.

I. Слово І. С. Пономарёву о Шарлотѣ, говоренное
— Іоанномъ Субботинымъ 3
II. О Елисаветѣ Сревневой 25
III. Бурнбя, Бранковичъ, (историческій романъ) 29
IV. Сребки Сомнения 56
V. Народная Пропов'ѣдь 70
VI. Стихотворенія, Пѣсне Луча I. Субботина . 81
VII. Другія Пѣсни 91
VIII. Прилогъ за Исторію Народа Сербскога. . 119

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Ф Гс с ж II 4
1856/03-94

Цѣна за сваку часть 30. кр. сребра.